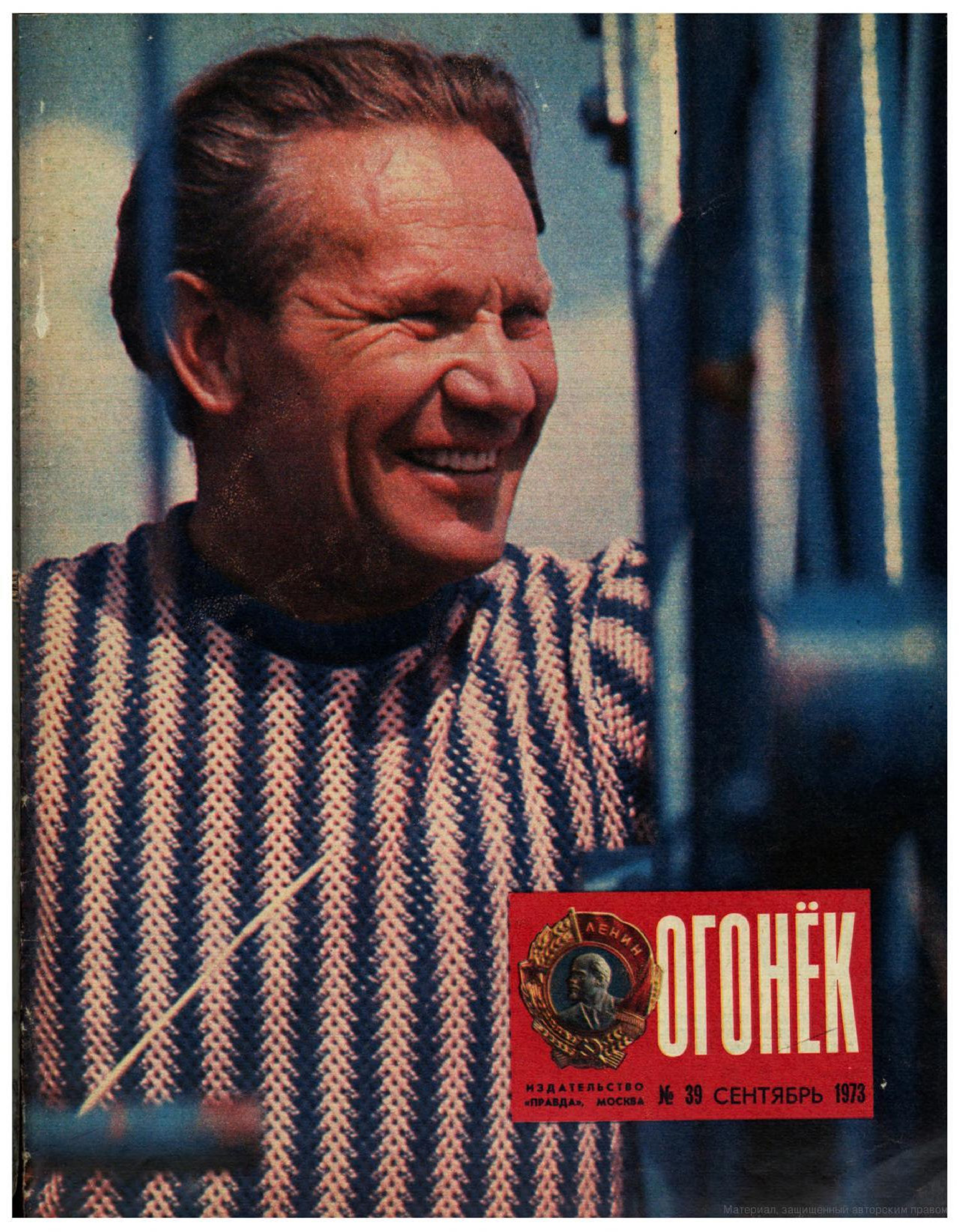

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1973

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (2412)

22 СЕНТЯБРЯ 1973

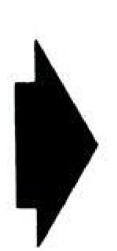
НЕРУШ

В Софию 18 сентября по приглашению ЦК Болгарской коммунистической партии с дружеским визитом прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. На снимке: во время встречи в аэропорту.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

ИМАЯ ДРУЖБА

Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ товарищ Т. Живков поздравляет товарища Л. И. Брежнева с высокой наградой.

В Софии 18 сентября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева с членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК БКП и секретарями ЦК БКП. На снимке: участники встречи во время дружеской беседы.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

В демонстрацию нерушимой дружбы между Болгарией и Советским Союзом, БКП и КПСС, болгарским и советским народами вылилась встреча на Софийском аэродроме Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарища Леонида Ильича Брежнева, прибывшего 18 сентября в Болгарию с дружеским визитом по приглашению Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии.

Тысячи трудящихся Софии собрались на аэродроме, чтобы приветствовать славного сына советского народа, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неутомимого борца за мир, человека, так много сделавшего для болгаро-советской дружбы, для расцвета и укрепления могучего содружества социалистических наций.

Аэродром украшен государственными флагами СССР и НРБ. На плакатах и транспарантах — теплые слова, выражающие мысли и чувства болгарского народа, здравицы в честь болгаро-советской дружбы.

Встретить товарища Л. И. Брежнева на аэродром прибыли Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров, другие партийные и государственные деятели Народной Республики Болгарии. Среди встречающих — посол СССР в НРБ В. Н. Базовский, посол НРБ в СССР Д. Жулев.

Вместе с Генеральным секретарем ЦК КПСС в Болгарию прибыли секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, заместитель министра иностранных дел СССР Н. Н. Родионов, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС К. В. Русаков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

Овацией встречают собравшиеся появление товарища Л. И. Брежнева на трапе самолета. Т. Живков, С. Тодоров, другие болгарские товарищи тепло обнимают Леонида Ильича.

Исполняются государственные гимны НРБ и СССР. Звучит 21 залп артиллерийского салюта. Л. И. Брежнев и Т. Живков обходят строй почетного караула. Пионеры преподносят Л. И. Брежневу и сопровождающим его лицам цветы.

По пути следования с аэродрома товарища Л. И. Брежнева горячо приветствовали сотни тысяч жителей Софии.

В торжественной обстановке состоялось вручение Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу Золотой Звезды Героя Народной Республики Болгарии и ордена Георгия Димитрова. Звания Героя Народной Республики Болгарии Л. И. Брежнев удостоен за исключительные заслуги в деле развития, укрепления и углубления болгаро-советской дружбы и строительства социализма в Народной Республике Болгарии, активное участие в разгроме гитлеровского фашизма и освобождении народов, личный вклад в разработку и осуществление ленинской генеральной линии Коммунистической партии Советского Союза в строительстве коммунизма и мирной политике Советского государства, за неустанную деятельность во имя сплочения социалистического содружества, рядов международного коммунистического и рабочего движения и национально-освободительной борьбы, за упрочение всеобщего мира, сотрудничества и дружбы между народами, во имя торжества идей марксизма-ленинизма.

На торжественной церемонии присутствовали Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ товарищ Т. Живков, член Политбюро ЦК БКП, Председатель Совета Министров НРБ С. Тодоров, другие партийные и государственные деятели Болгарии, сопровождающие Л. И. Брежнева лица.

При вручении высокой награды Л. И. Брежневу выступил Т. Живков.

С ответной речью выступил тепло встреченный присутствующими Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Обращаясь со словами благодарности к Центральному Комитету Болгарской коммунистической партии, Государственному совету, Совету Министров НРБ, товарищ Л. И. Брежнев сказал, что КПСС, Советский Союз «и впредь будут делать все необходимое для всестороннего сближения, для укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Болгарией, во имя социализма и коммунизма, для укрепления всего нашего социалистического содружества, для сплочения всех революционных сил современности».

ЧИЛИ В НАШИХ СЕРДЦАХ

Виталий БОРОВСКИЙ

Весной этого года, накануне отъезда из Сантьяго, мой старый друг видный чилийский обозреватель Аугусто Оливарес помог мне выполнить журналистскую задачу, казавшуюся неосуществимой. Через пресс-бюро правительственного дворца «Ла Монеды», примыкавшее к кабинету Сальвадора Альенде, он провел меня к президенту, который в те дни никого не принимал.

Это были напряженные дни, и даже во время нашей короткой беседы президент несколько раз вынужден был снимать телефонную трубку, отвечать на бесчисленные запросы, давать указания. Таким я его и сфотографировал, прощаясь.

Альенде выглядел усталым, но, как всегда, был подтянут, говорил ровно и спокойно. Он рассказал о трудной обстановке, сложившейся в Чили в связи с бесконечными провокациями правых сил. На вопрос о том, как складываются отношения с военными, решившими выйти из правительства, президент ответил не сразу, и по его посуровевшему лицу видно было, что вопрос этот не из легких.

— В конечном счете,— сказал Альенде,— состав правительства — это прерогатива президента, и на нем лежит ответственность решить, каким должен быть этот состав в интересах революции.

Я вспоминал эти слова не раз, когда обстановка в Чили все более усложнялась, когда стало ясно, что заговорщики сделали свою основную ставку на реакционную часть офицерства. Они всячески стремились изолировать и дискредитировать военачальников, верных конституции, лояльных по отношению к законному правительству. В то же время с провокационной целью президенту Альенде упорно рекомендовали в качестве министров генералов, уже связавших себя с заговорщиками и требовавших себе чрезвычайных полномочий.

Все это понадобилось для того, чтобы исподволь подготовить разрыв вооруженных сил с традицией верности конституции и правительству. Одновременно, чтобы обеспечить почву для мятежа, чилийская реакция бросила все свои силы на подрыв экономики и создание в стране обстановки хаоса и беспорядков. С этой целью была организована «забастовка» владельцев грузового транспорта, диверсии и саботаж на дорогах, на предприятиях. Чтобы помешать рабочим обеспечить охрану заводов и фабрик, генералы под предлогом поисков оружия провели против них карательные операции.

Решив, что обстановка достаточно накалена, оппозиция в конгрессе протащила резолюцию, обвинявшую в нарушении конституции... президента и призвавшую генерала, занимавшего пост министра обороны, возглавить правительство. Реакционная верхушка армии добилась отставки генерала Пратса. «Подбодренная этим оппозиция,— писал 3 сентября журнал «Ньюсуик»,— не скрывая радости, призвала вооруженные силы порвать с традицией скрупулезной поддержки установленного порядка, независимо от его политических оттенков, и отмежеваться от правительства президента Альенде. Это было открытым призывом к перевороту».

Все эти детали убедительно свидетельствуют о том, что перевороту, который был действительно совершен через несколько дней, предшествовала тщательно продуманная подготовка. Все говорит о том, что на эту подготовку были затрачены огромные финансовые средства, что в ней приняли участие все правые силы страны, поддержанные международной реакцией.

Многие органы зарубежной прессы, видные политические деятели прямо указывают на то, что нити заговора против конституционного правительства Чили ведут к американским монополиям, которые потеряли контроль над этой страной в результате национализации природных ресурсов, банков и крупных предприятий. Недаром в штабах этих монополий, по свидетельству американской прессы, весть о перевороте встретили «с ликованием». Представители медных корпораций и «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» уже поговаривают о своем возвращении в Чили.

Реакция, захватившая сейчас власть в Республике Чили, делает все, чтобы расчистить дорогу для осуществления этих планов. В стране свирепствует кровавый террор, стоивший жизни тысячам чилийских патриотов. Снова превращаются в концентрационные лагеря архипелаг Хуан-Фернандес и другие чилийские острова, тюрьмы переполнены, ведется охота за прогрессивными деятелями. Первой жертвой этого террора пал избранный народом президент Альенде, выдающийся деятель освободительного, антиимпериалистического движения Латинской Америки.

Одна за другой приходят вести о трагической гибели многих чилийских патриотов. Убит член Политкомиссии ЦК компартии министр товарищ Орландо Мильяс, погиб генеральный секретарь социалистической партии Карлос Альтамирано. В списке жертв и мой друг Аугусто Оливарес — директор государственного телевизионного канала, личный советник Сальвадора Альенде.

Многого еще мы не знаем: военная хунта оборвала все каналы связи Чили с внешним миром. Но одно за другим приходят сообщения, которые хотела бы скрыть чилийская реакция. Они говорят о том, что мужественное сопротивление чилийского народа диктатуре продолжается. Рабочие, верные конституции солдаты ведут бои против мятежников, отстаивают с оружием в руках завоевания народа. Можно не сомневаться, что никакие репрессии, никакой террор не способны сломить волю чилийского народа, его стремление к экономическому и социальному прогрессу.

ТРУДНЫЙ ЧАС ЧИЛИЙСКОГО НАРОДА

11 сентября реакционные силы Чили, свергнув законное правительство, захватили власть в стране. Жертвами насильственных действий путчистов стали президент Сальвадор Альенде и тысячи лучших сынов и дочерей чилийского народа. Во всем мире поднялась волна гневного протеста против кровавых злодеяний чилийских путчистов, пользующихся поддержкой внешних империалистических сил.

«В этот трудный для чилийского народа час,— говорится в Заявлении Центрального Комитета КПСС по поводу военного переворота в Чили,—выражая чувства советских коммунистов, всех советских людей, ЦК КПСС заявляет о своей полной солидарности с братской Коммунистической партией Чили, с социалистической партией, с другими партиями Народного единства, со всеми трудящимися Чили, которые, несмотря на удары реакции, остаются верными делу борьбы за независимость, демократию и социальный прогресс».

Корреспонденты журнала «Огонек» обратились к представителям советской и зарубежной общественности и попросили их высказать свое отношение к кровавым событиям в Чили. Вот что они сказали.

ГРУЗО ОБОЛАДЗЕ, бригадир проходчиков «Тбилтоннельстроя», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР.

То, что происходит в Чили, волнует нас, огорчает, вызывает отвращение к черным силам реакции, временно взявшим верх над силами Народного единства. Три года прогрессивных людей Чили в антиимпериалистической борьбе вел президент Сальвадор Альенде. Налетчики убили его. Расправляются они и с другими борцами: коммунистами, социалистами, прогрессивными деятелями Чили. Тяжело и горько узнавать об этих жертвах. Кому непонятно, что у нападающего из-за угла есть некоторые преимущества перед тем, на кого он нападает. Но надолго ли? Нам, советским людям, хорошо знакомы эти фашистские повадки. Мы знаем, что вероломные нападения не приносят успеха. Через горные хребты, моря и океаны мы шлем горячий привет солидарности нашим чилийским братьям. Справедливость в Чили победит! Мы в этом твердо убеждены!

В. ВОЛЬСКИЙ, вице-президент Советской ассоциации дружбы и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, директор Института Латинской Америки, Герой Советского Союза.

Кровавый путч в Чили стал наглядным уроком того, что силы реакции, эксплуататорские классы, продолжая непрерывную болтовню о свободе и правах человека, никогда добровольно не допустят, чтобы народ строил социализм. Эти события вновь показали, что буржуазия и олигархия готовы пойти на любые преступления, на саботаж, террор, на тайный сговор с империализмом, стремясь воспрепятствовать осуществлению мероприятий, ведущих страну к социальному и экономическому прогрессу.

Я глубоко убежден, что кровавый путч и террор в Чили не смогут остановить поступательный процесс общественного развития страны. Никакая сила не заставит народ отказаться от его завоеваний, достигнутых в упорной борьбе с буржуазией и ее могучими внешними покровителями.

Советские люди выражают свою солидарность с борьбой чилийского народа. Мне не раз приходилось бывать в Чили, видеть замечательных людей этой страны, и я ни на минуту не сомневаюсь, что чилийский народ выстоит в борьбе с кровавыми заговорщиками; победит справедливость, и страна снова пойдет по пути прогресса. Я, как и все советские люди, горячо одобряю Заявление Центрального Комитета КПСС по поводу военного переворота в Чили и разделяю высказанную в Заявлении твердую уверенность в том, что никакие репрессии, никакой террор не способны сломить волю народа, преградить путь экономического и социального прогресса.

Б. МИЩЕНКО, шлифовщик инструментального цеха Минского завода электронных вычислительных машин имени Орджоникидзе.

Кровавые события в Чили еще раз подтверждают, что враги прогресса и демократии не останавливаются ни перед чем, чтобы сорвать демократические преобразования, обезглавить революционное движение народных масс. Мы, советские рабочие, с гневом и презрением осуждаем реакционеров и их военную хунту, которые подняли руку на Народное единство, бросили вызов не только чилийским демократам, но и всем свободолюбивым силам мира.

Демократия победит!

На московском заводе «Динамо» состоялся многолюдный митинг в поддержку народа Чили.

Демонстрация солидарности с народом Чили в Вашингтоне.

Владимир ШОЛТА,
художник из
Чехословацкой Социалистической
Республики.

До самой глубины души меня потрясли известия о трагических событиях в Чили, убийстве президента Альенде и лучших сынов народа, о бандитском разгроме, учиненном военной кликой. Этот кровавый путч чилийской хунты еще раз показал миру звериный оскал реакции — слуг империализма.

Мы — интернационалисты. Нам близка судьба всех народов. И, конечно, прежде всего народов, вступивших на путь свободы и прогресса.

...Я должен был ехать в Чили в командировку. Я уже мечтал как художник увидеть гордую природу этой далекой страны и заранее радовался встрече с чудесным чилийским народом.

И вот радио принесло страшную весть. Я представил картины кровавой расправы с героями чилийской революции, как будто услышал грохот уличных боев и взрывы бомб.

Кровь Чили, ее лучших людей заставляет нас быть бдительными, всегда помнить о происках врагов мира, прогресса, свободы.

В эти дни, когда мы узнаем о новых злодеяниях реакции в Чили, мы, чехословацкие художники, присоединяем свои голоса к голосам всех прогрессивных людей мира, клеймящих позором бандитов-путчистов. Мы глубоко верим, что правое дело в конце концов восторжествует. Народ Чили победит черные силы реакции и тьмы и встанет на светлый путь прогресса.

МИРЕЛЬЯ ГЕВАРА ДЕ ПАДИЛЬЯ,
депутат Законодательного собрания Коста-Рики.

Мы, костариканцы, глубоко убеждены в том, что в задачи любой армии входит прежде всего защита национальных границ от внешней агрессии. Однако военная хунта применила оружие против собственного народа и избранных им законным путем его представителей в органах власти. Поэтому я считаю, что новый военный режим незаконен. И в этом мнении едины все костариканцы, независимо от партийной принадлежности. В Коста-Рике глубоко скорбят о трагической смерти президента Сальвадора Альенде. Он погиб на боевом посту, отказавшись сдаться мятежникам. Президент Чили отдал свою жизнь за идеалы свободы и демократии,

Гневное возмущение и решительный протест против кровавых злодеяний в Чили выразили рабочие, служащие и инженерно-технические работники Московского первого государственного подшипникового завода.

Массовая демонстрация солидарности с чилийскими трудящимися в городе Франкфурте-на-Майне (ФРГ).

Итальянская общественность осуждает действия реакции, поднявшей военный мятеж против законного правительства Народного единства Чили.

Фото ТАСС и ЮПИ — ТАСС.

за которые боролся до конца. Он пользовался огромным авторитетом в Латинской Америке. Вся деятельность руководимого им правительства Народного единства была большим вкладом в развитие освободительной борьбы на континенте. Но гибель Сальвадора Альенде не была напрасной. Она открыла глаза тем, кто еще сомневался, она способствовала окончательной поляризации сил. Многие колеблющиеся теперь определили свою позицию. Костариканцы выражают братскую солидарность со свободолюбивым народом Чили, всеми политическими силами страны, выступающими против контрреволюционной хунты.

ФАВЗИ ЭЛЬ АНТИЛЬ, египетский поэт.

Свержение законного правительства в Чили и убийство президента страны Сальвадора Альенде потрясли Египет. Внутренняя реакция и выполняющая ее волю военная хунта пытаются кровавым террором подавить социально-экономические завоевания чилийского народа. Нетрудно разглядеть за трагическими событиями в Чили тех, кто пока еще держится в тени, выражая напускное сожаление, но кто в душе радуется приходу к власти кровавой хунты. Это империалисты, чьи экономические и политические интересы пострадали в результате деятельности правительства Народного единства. Арабским народам хорошо знаком преступный почерк империализма. Египетский народ полностью стоит на стороне чилийского народа, ведущего мужественную борьбу с внутренней реакцией и ее империалистическими покровителями. Развитие истории нельзя повернуть вспять. Но в конечном итоге, и я твердо верю в это, победа будет за подлинным хозяином Чили — ее народом, а также политическими партиями Народного единства. Дело демократии, прогресса и социализма в Чили восторжествует!

САИД ШЕЙБАНИ, экономист из Йеменской Арабской Республики.

Расправа военной хунты над политическими деятелями и сторонниками правительства Народного единства вызвала у меня чувство гнева и возмущения. Мы, йеменцы, клеймим позором реакционеров, совершивших кровавый переворот и обрушивших репрессии против лучших сынов чилийского народа. За путчистами стоят империалистические монополии, жаждущие возобновить грабеж природных богатств, эксплуатацию чилийского народа. Моя страна находится далеко от Чили, но йеменский народ принимает близко к сердцу трагические события в этой республике. Все честные люди Земли не могут оставаться равнодушными и спокойными, когда военная хунта Чили творит беззаконие и террор. Выражая солидарность с борющимся народом Чили, они не только оказывают ему мощную моральную поддержку, но тем самым одновременно укрепляют общий фронт борьбы народов против империализма и мировой реакции. Я глубоко убежден в конечной победе трудящихся Чили. И через журнал «Огонек» шлю им выражение полной солидарности йеменского народа с их героической борьбой.

Новороссийск. Митинг, посвященный 30-й годовщине со дня разгрома фашистских войск в Новороссийске и присвоению ему почетного звания «Город-герой».

Телефото Е. Шулепова (ТАСС).

БЕССМЕРТИЕ РАТНОГО ПОДВИГА

В славной семье городов-героев — пополнение: Новороссийску и Керчи присвоено почетное звание «Город-герой» с вручением орденов Ленина и медалей «Золотая Звезда».

На торжествах, посвященных знаменательному событию, трудящиеся городов-героев Новороссийска и Керчи выразили свою глубокую признательность и благодарность ленинскому Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Советскому правительству за высокую награду.

Большую радость и глубокое волнение вызвали у тружеников Новороссийска и Керчи приветствия Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева. Они от всего сердца благодарили его за теплые поздравления и пожелания новых успехов в труде на благо нашего социалистического Отечества.

Участники многотысячных митингов горячо приветствовали боевых ветеранов, героев сражений за Кавказ и Крым.

В торжественной тишине на могилы павших воинов, к обелискам Славы и Вечному огню были возложены венки и цветы — благодарная память народа чтит бессмертие ратного подвига.

Моряки водружают знамя на горе Митридат. 1943 год.

Фото Е. Халдея.

Керчь—город-герой! Молнией облетела всех керченцев эта весть. Тысячи людей пришли на площадь, где возвышается памятник В. И. Ленину, чтобы выразить благодарность партии и правительству за высокую награду, чтобы еще и еще раз воздать славу стойкости, мужеству советских воинов, сражавшихся на крымской земле.

Телефото Ю. Ильенко (ТАСС).

Участники Сентябрьского восстания 1923 года Пырван Казанджиев и его жена Мара.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

Крысто ЖИВКОВ,
редактор газеты «Народна трибуна»

23 сентября народная Болгария отмечает славную дату своей истории — пятидесятилетие антифашистского Сентябрьского восстания 1923 года. Его организатором и руководителем была Болгарская коммунистическая партия, которая действовала совместно с Болгарским земледельческим народным союзом.

Одним из участников восстания был наш земляк Пырван Казанджиев, уроженец города Лом.

В 1920 году, когда Советская Россия отмечала пятидесятилетие Владимира Ильича, молодому коммунисту П. Казанджиеву удалось приобрести брошюру с фотографией Ленина на обложке. В это время П. Казанджиев работал учителем. Он попросил одного из своих учеников, Ефрема Гечева, перерисовать портрет Ленина на большом листе бумаги. Десятилетний художник успешно справился с заданием.

В деревне Крумово, где учительствовал в то время Пырван, любительская труппа поставила пьесу «Марат». Ее с успехом исполняли в близлежащих селениях, а все сборы от спектаклей шли в помощь голодающему населению Поволжья. Однажды после спектакля Казанджиев предложил устроить лотерею, чтобы вырученные деньги тоже внести в этот фонд. Главным выигрышем был портрет Ленина.

Крестьяне маленькой глухой деревни знали о Великой Октябрьской социалистической революции, слышали о ее гениальном вожде и вот впервые увидели изображение Ленина. В зале грянули бурные аплодисменты. Всю выручку от лотереи крестьяне тоже передали голодающим Поволжья.

Теперь П. Казанджиеву 77 лет. Он прожил нелегкую жизнь. До социалистической революции в нашей стране фашисты не раз арестовывали его, сажали в тюрьму, ссылали в лагеря. После революции товарищ П. Казанджиев занимал ответственные партийные и государственные должности, награжден орденами и медалями. Сегодня он персональный пенсионер.

А как сложилась судьба автора ленинского портрета Ефрема Гечева? Отец его был солдатом первой мировой войны. С фронта вернулся убежденным коммунистом. В начале двадцатых годов плотницкая мастерская отца превратилась в клуб местной коммунистической ячейки, где мальчик впервые услышал слова партийных агитаторов.

Когда Ефрем окончил гимназию, он уже был комсомольцем. Талантливый парень выдержал конкурсные экзамены в Институт изобразительных искусств в Софии. Он активно участвовал в борьбе студентов, в демонстрациях протеста против режима Цанкова.

Окончив институт, молодой художник начал работать в столярной мастерской второго своего брата, Станко. Фашисты считали Ефрема «неблагонадежным», и он не мог найти другую работу. Все силы Е. Гечев отдавал революционной борьбе, активно участвовал в свержении монархо-фашистской диктатуры в сентябре 1944 года.

При народной власти Е. Гечев получил возможность заняться любимым делом. Он заведовал кафедрой изобразительного искусства в педагогическом институте города Станке-Димитров. Теперь товарищ Гечев — персональный пенсионер.

Город Лом, Болгария.

60 и 40

Сергей МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

«Мы с Абрамовым вдвоем
всех врагов на пару бьем...»
...вот уже почти 30 лет.

За это время в содружестве с ним у нас вышло более двадцати альбомов, книг, подборок, не считая работы в периодической печати, в «Правде», «Известиях», «Красной звезде».

Таким образом, я довольно близко знаю этого весьма энергичного художника, знаю его творчество.

Карандашу, перу и кисти Марка Абрамова принадлежат сотни работ, сделанных им за 40 лет творческой деятельности. Инженер-конструктор по образованию, Абрамов — один из наиболее мыслящих художников. Сюжеты для своих карикатур он всегда «конструирует», придумывает сам. Причем в большинстве случаев рисунки его понятны без подписи, так как мыслит он весьма образно. К карикатурам Абрамова легко писать стихи, ибо четкие графические образы помогают рождению образов литературных.

В 1932 году в «Крокодиле» впервые появилась работа юных Марка и Олега Абрамовых (МОА). В 1933 году их первый рисунок был напечатан в «Известиях», а в 1936 году была опубликована первая карикатура в «Правде».

С 1940 года М. Абрамов работает один. В годы Великой Отечественной войны он художник, автор редакции военно-оборонных плакатов «Окна ТАСС», где в содружестве с такими известнейшими поэтами, как Василий Лебедев-Кумач, Демьян Бедный, создает немало боевых плакатов, помогая острым оружием сатиры бить врагов Родины. В эти же годы он работает в ряде выездных редакций газеты «Правда».

После войны Абрамов выполнил немало остроумнейших работ на «внутренние» темы, разоблачая бюрократов, подхалимов, лодырей, тунеядцев и пьяниц. Серии станковых карикатур «Мусор», «Не нашего поля ягода» демонстрируют целую галерею этаких «героев».

Однако наиболее сильной стороной творчества Абрамова, бесспорно, является международная политическая сатира. С 1957 года его карикатуры регулярно печатаются в «Правде», отражая главные темы зарубежной действительности, разоблачая всяческих поджигателей и поджидателей войны. Художник верно понимает важнейшие положения и направления ленинской международной политики мира.

Искусство политической карикатуры — очень ответственное и серьезное дело. Карикатура понятна без слов, она наглядна и легко запоминается. Настоящая международная карикатура может заменить, я думаю, иной раз и целую статью. Но для этого она должна содержать глубокий смысл и не просто иллюстрировать какое-либо сообщение из-за рубежа, а, широко обобщая события, быть точной, политически острой, актуальной, иметь свое самостоятельное общественное звучание.

Художник-международник должен быть, мне кажется, не просто иллюстратором, а изообозревателем. Ему надлежит быть высококомпетентным, в совершенстве знающим все тонкости и нюансы современной международной политики журналистом. Он должен много путешествовать для того, чтобы увидеть так называемый «свободный» мир своими глазами, собрать фактический материал, расширить свой кругозор, и, разумеется, при всем этом он обязан быть хорошим художником.

Ведь нечего греха таить, бывает, что даже в центральной печати появляются карикатуры на международные темы, выполненные на весьма низком уровне, авторы которых в погоне за ненужным зубоскальством, видимо, забывают о том, что «смех — дело серьезное», он требует умения, большого профессионального мастерства, мысли.

Работы заслуженного деятеля искусств РСФСР М. Абрамова отвечают самым высоким требованиям и взыскательным вкусам. Он много ездит, посетил около тридцати стран, и, как результат этого, появились альбомы «В «свободном» мире», «Лицо и изнанка США», «Вчера на Рейне». Обращаясь к арифметике, я смело могу включить М. Абрамова в первую пятерку ведущих политических карикатуристов нашей страны (если Кукрыниксов считать за троих).

На персональной выставке, недавно экспонировавшейся в залах ЦДРИ и посвященной шестидесятилетию со дня рождения и сорокалетию творческой деятельности Марка Абрамова, было показано свыше 300 работ — карикатуры и плакаты, хорошо знакомые нам по центральной прессе и международным выставкам «Сатира в борьбе за мир» и которые я не стану перечислять, высокопублицистическая серия «Враги мира», зарисовки из серии «Глазами сатирика», множество акварельных рисунков — удивительно добрых, лирических, светлых пейзажей самых различных уголков нашей планеты. Эта сторона творчества художника менее известна читателям, и хорошо, что «Огонек» воспроизводит на своих страницах несколько акварелей Абрамова.

Обычно художники довольно сдержанны в похвалах друг другу. На вернисаже М. Абрамова такие «традиции» были нарушены. К поздравлениям хочу добавить самые сердечные пожелания доброго здоровья и творческого многолетия нашему Марку Абрамову. Рисуй так и дальше, друг!..

М. Абрамов. ОСАКА. Япония.
ЛОС-АНДЖЕЛЕС. США.

М. Абрамов. ТРИР. ФРГ.

ОЛЕСУНН. Норвегия.

ИГРАЮТ КУКЛЫ ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Не найдешь человека, который не знаком с бравым солдатом Швейком...

К роману Ярослава Гашека много раз обращались драматурги, киносценаристы, мастера художественного слова. И все-таки в любой инсценировке порою исчезают какие-то оттенки юмора, неуловимые авторские междустрочия... Тут и актерам бывает нелегко. Но вот выяснилось, что с задачей изображения Швейка легко и органично справились куклы!

Спектакли Ленинградского театра кукол, гастролировавшего в Москве нынешним летом, шли с огромным успехом. А «Похождения бравого солдата Швейка» (в инсценировке для кукол И. Ционского), «Несусветная комедия» — мюзикл по мотивам Тита Макция Плавта, пародийное представление «Этим вечером случилось» (назидательная комедия для взрослых), «В 12 часов по ночам» неизменно собирали толпу желающих купить «лишний билетик»...

Главный режиссер Ленинградского Большого театра кукол, заслуженный деятель искусств РСФСР В. Б. Сударушкин влюблен в кукольное искусство сызмала. Его родители тоже были кукольниками... Неистощимый выдумщик и смелый экспериментатор, Валентин Сударушкин и вся труппа театра живут в атмосфере постоянного поиска, увлеченных споров. Каждая новая работа приносит с собой и новые открытия, будь то мастерство кукловодов, работа художников-кукольников или артистов, которые ничуть не меньше, а может быть, даже больше, чем на обычной сцене, должны владеть мастерством, отлично петь и танцевать...

Действие за традиционной ширмой в спектаклях кукол ленинградцев протекает только частично; плоские и объемные маски, тростевые куклы являются здесь дополнением к пластике артиста. Но в каждом случае и маска и артист создают вместе цельный, законченный образ.

Ближайшая работа — спектакль «Садко-73». Русская поэтическая былина теперь будет представлена и на кукольной сцене.

Н. ЗЫБИНА

И. С. Тургенев. Рисунок Алексея Бакунина. Москва, ноябрь 1841 года.

«ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА ПОЕТСЯ ЗАРДЕВШИСЬ...»

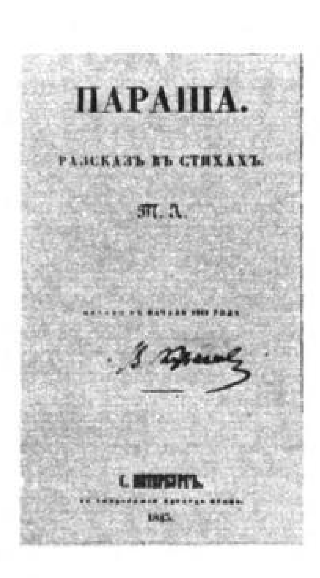
Николай ЧЕРНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ Е. М.

Детские годы И. С. Тургенева прошли большей частью не в Спасском-Лутовинове, как считалось до сих пор, а в Москве, в арбатских переулках и у Никитских ворот. Первый московский период жизни будущего писателя длился без малого восемь лет.

Почти два года Тургенев и его брат провели в частном пансионе И. И. Вейденгаммера в Староконюшенном. Мать писателя Варвара Петровна не любила жить в своем доме на окраинной Садово-Самотечной, предпочитая наемные квартиры. В 1831 году Тургеневы поселились рядом с пансионом в доме Н. И. Квашнина, куда для занятий с сыновьями приходили лучшие педагоги тогдашней Москвы. Через год переехали в дом Н. Ф. Алексеевой на Сивцевом Вражке. Потом наняли в Кисловском переулке дом М. А. Смирнова. В год поступления в университет Тургенев проживал с родителями на Бронной, в доме А. Н. Супоневой.

Эти подробности мы узнали буквально на днях в результате дополнительных архивных разысканий. Неизвестных ранее материалов к биографии писателя накопилось теперь много. Это позволяет по-новому взглянуть на источники, уже находящиеся в научном обороте. В 1893 году в «Тобольских губернских ведомостях» была напечатана мемуарная заметка о Тургеневе. Автор воспоминаний, подписанных криптонимом Е. М., родственница писателя, рассказывает о московском периоде жизни Тургенева, о нескольких встречах с ним начиная с 1830-х по 1870-е годы. Приводит интересные детали, свидетельствующие о ее большой осведомленности. Отрывки из воспоминаний Е. М. перепечатывались еще дважды: в 1897 году в нижегородской газете «Волгарь» в составе очерка дочери Е. М., тоже укрывшейся

ПАРАША.

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Т. Л.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

Е. И. Менгден. С акварели П. Соколова.

за буквами О. В., и в 1950 году в восьмом томе сборника «Звенья».

Кто были Е. М. и О. В., до сих пор оставалось неизвестным.

«Ивана Сергеевича Тургенева,— пишет Е. М.,—я знала с детства и видела иногда во время его нечастых посещений России. Он принадлежал не только к одному кругу общества со мною в Москве, но матери наши считались родством, как следует московским коренным жительницам. Привычка считаться даже самым дальним родством кажется странной и даже смешной новому поколению, но она имела много хорошего и способствовала к сближению общества [...] Мне было лет шесть, когда матушка со мною и старшею сестрою заезжала к Тургеневым в деревню. Иван Сергеевич и брат его, в русских рубашках и коротко остриженных волосах, пили с нами чай, но не казались особенно довольны присутствием двух девочек, с которыми нельзя было [ни] бороться, ни шалить [...]».

Родители Тургенева, по свидетельству Е. М., рано заметили литературные способности сына и всячески стремились их развить. Это очень важный факт. Правда, мы уже знаем из писем матери к Тургеневу, до сих пор полностью не опубликованных (хранятся в собрании Государственной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), что его детское и юношеское пристрастие к сочинительству родителями поощрялось. Тургенев сам вспоминал, как первое его появление в печати в 1836 году с рецензией на книгу А. Муравьева устроилось благодаря рекомендации родственников и при их участии.

В распоряжении биографов теперь достаточно фактов, чтобы говорить о благотворном личном воздействии матери на развитие литературных интересов и вкусов Тургенева в ранней юности. Известно, что Варвара Петровна долгие годы вела дневник и всякого рода записки: «Я двадцать пять лет пишу свой журнал, который никто не должен и не может видеть» (из неопубликованного письма к Ивану Сергеевичу от 20.II.1841). «Ты знаешь, Иван, перо мне нужнее пищи» (20.XI.1840). Во время отлучек сына Варвара Петровна посылает ему длинные письма-дневники.

В октябре 1838 года, вскоре после того как Тургенев напечатал свои первые стихи, мать советует ему: «...Тебе описать людей, с которыми ты в дружбе, не бесполезно. Привык бы описывать характеры, черты».

Варвара Петровна была, очевидно, очень последовательной в своих воспитательных приемах. Е. М. пишет в очерке:

«Ивану Сергеевичу было не более четырнадцати лет, когда его мать предлагала моей матери установить переписку между ним и моею старшею сестрою, говоря (конечно, по-французски, по тогдашнему обычаю великосветского нашего общества): «Ваша дочь очень даровитая девочка, а у моего сына Ивана блестящие способности. Устроимте между ними переписку, это будет прелестно! И как интересно прочесть, что эти из ряда выходящие дети будут друг другу писать!» [...] Матушка не согласилась на ее предложение. Она понимала, что, кроме безобразно вялых писем, ничего не выйдет из принужденной переписки двух детей, почти не знавших друг друга [...]».

Пока воспоминания Е. М. считались анонимными, к ним не могли отнестись с полным доверием. Публикуя отрывок в сборнике «Звенья», современный исследователь И. Абрамов предположил, что автором является Е. Милютина. Однако эта гипотеза отпала сама собой, поскольку ни одна из подразумевавшихся Милютиных не подходила по возрасту.

Выяснить личность мемуаристки оказалось делом не очень сложным. В заметке упоминается ее встреча с Тургеневым в Ясной Поляне в 1878 году. Тургенев хлопотал в тот период, чтобы напечатать за границей французский перевод «Казаков» Толстого. Отвечая Тургеневу на вопрос о переводчике, Л. Толстой спустя некоторое время писал: «По-французски же [«Казаков»] переводила бар[онесса] Менгден, которую Вы у нас видели...» Н. Н. Гусеву в «Летописи жизни и творчества Л. Толстого» приходилось называть Е. И. Менгден как автора заметки о Тургеневе. В Пушкинском доме в Ленинграде есть, кроме того, неопубликованное письмо Е. Менгден к Тургеневу.

Дальнейшая проверка не оставила никаких сомнений в том, что воспоминания принадлежат Елизавете Ивановне Менгден, урожденной Бибиковой (1821—1902). Ее зять К. П. Фредерикс служил в 1890-х годах председателем губернского правления в Тобольске, а потом был нижегородским вице-губернатором. Этим и объясняется появление мемуарной заметки сначала в «Тобольских ведомостях», а потом в газете «Волгарь». Последняя публикация принадлежала дочери Е. И. Менгден — О. В. Фредерикс, которая в молодые годы часто посещала Ясную Поляну, дружила с детьми Л. Н. Толстого и оставила об этом воспоминания.

Е. И. Менгден действительно знала Тургенева с самого раннего детства. Варвара Петровна приходилась троюродной племянницей ее бабушке Екатерине Александровне Бибиковой, типичной старой барыне грибоедовской эпохи. На правах родственницы В. П. Тургенева возила к ней своих сыновей. В одном из детских писем Тургенев сообщал: «...Мы были у бабушки Бибиковой» (I, стр. 151; это имя в академическом собрании писем не раскрыто).

Надо полагать, что визиты предпринимались не только по-родственному, но и в интересах мальчиков. В доме Е. А. Бибиковой на Пречистенке (теперь Кропоткинская, 17) бывало много молодежи — ее внуков, имелись хорошие гувернеры, первоклассные музыканты (см. А. Т. Болотов. Памятник протекших времен. М., 1875). Стремясь сообщить сыновьям светские навыки, В. П. Тургенева считала дом «московской бабушки» наиболее для этого подходящим.

Нет сомнения, что Тургеневу была хорошо известна семейная хроника Бибиковых. Он знал старшую дочь «бабушки» В. Г. Муромцеву и ее мужа М. М. Муромцева, бывшего в 1812 году адъютантом А. П. Ермолова, а еще прежде состоявшего при генерале Н. И. Лаврове — родном дяде В. П. Тургеневой. М. Муромцев в воспоминаниях, напечатанных в «Русском архиве» в 1890 году, тоже отметил свое родство с писателем.

Тургенев не мог не знать и обстоятельств жизни второй дочери Е. А. Бибиковой, вышедшей замуж за вдовца Л. Рославлева. Ее падчерица была потом женой Н. П. Огарева. Между прочим, Рославлева-Бибикова сл[...]лась в Москве тем, что замечательно хорошо гадала на картах, хотя это обстоятельство в семейных воспоминаниях старались всячески вуалировать.

Наконец, Тургенев, помимо Е. И. Менгден, знал и других внучек Е. А. Бибиковой. В их числе небезызвестную Е. П. Белосельскую-Белозерскую, удочеренную Бенкендорфом, злостную гонительницу Пушкина.

Сама Е. И. Менгден, несомненно, была известна Тургеневу также причастностью к московским салонам, интересующимся литературой. Она писала и даже печатала стихи (см. «Москвитянин», 1840, № 24; «Маяк», 1841, ч. 24, стр. 22—23). Брат ее А. И. Бибиков учился вместе с Лермонтовым в школе гвардейских подпрапорщиков и, по свидетельству современников, посылал в то время сестрам почти все новые стихотворения поэта. Сохранился рассказ о дружбе Е. И. Менгден с другими литераторами, в частности с В. П. Боткиным. Кто-то из великосветских ее знакомых, увидев Боткина, выходящего из ее гостиной, спросил Е. И. Менгден: «Что, вы у него чай покупаете? (Боткин был сыном чаеторговца.— Н. Ч.) — Нет,— ответила Менгден,— подаю ему чай» (Л. Толстой, т. 47, стр. 408).

Почему же в таком случае Тургенев холодно обошелся с Е. И. Менгден при встрече с нею в Ясной Поляне? Присутствовавший при этом Л. Толстой, судя по всему, даже не подозревал, что Тургенев и Е. И. Менгден — давние знакомые.

Все объясняется просто. Семейство Бибиковых в глазах лучших людей 70-х годов имело весьма сомнительную репутацию. Отец мемуаристки жандармский полковник И. П. Бибиков достаточно известен своим участием в системе николаевских репрессий, в особенности как доносчик по делу А. И. Полежаева. Дядей Е. И. Менгден, а следовательно, сыном «московской бабушки» был не кто иной, как Д. Г. Бибиков — киевский генерал-губернатор и сатрап, небезызвестный министр внутренних дел.

Очевидно, Тургенев ни в какие времена и ни при каких обстоятельствах не считал для себя возможным поддерживать знакомство с бибиковской родней. Он был в этом отношении необычайно чистоплотным человеком.

Воспоминания Е. И. Менгден — принципиально важный источник для изучения раннего Тургенева. Это вполне достоверный биографический материал.

Но для исследователей во много раз ценнее другое. Установив авторство Е. И. Менгден, мы получаем доступ к многочисленным запискам, вышедшим из-под пера Бибиковых и Муромцевых. Прежде всего это работы самой Е. И. Менгден, ее мемуары о тургеневской Москве 1830-х годов, напечатанные в «Русской старине» (1913; I). Это статьи и заметки ее дочерей О. В. Фредерикс, С. В. Бельгард и сына от первого брака Д. Д. Оболенского.

Еще более значительно по объему и содержащемуся материалу наследие ее старшей сестры Е. И. Бибиковой-Раевской — талантливой журналистки и художницы. Той самой, которой в детстве В. П. Тургенева предлагала переписываться с сыном Иваном. Е. И. Раевская (1818—1899) много печаталась в журналах, выступая под псевдонимом «Старушка из степи». Она оставила чрезвычайно интересные воспоминания («Исторический вестник», 1898, XI) о московском и родственном окружении Тургенева, хотя имя писателя там и не упомянуто. Широко известны, кроме того, ее портрет А. Полежаева и записки о нем.

В. Г. Белинский. Литография К. Горбунова по его рисунку с натуры. 1843.

Вернемся теперь к публикации Е. И. Менгден. «Мать Тургенева,— продолжает мемуаристка,— очень гордилась сыном Иваном, рано подававшим надежды... По общепринятой старинной системе воспитания и обращения с детьми, она холодно и сухо обращалась с сыном, скрывая свою любовь и свои надежды... Она высоко ценила его блестящие дарования и, вероятно, тайно читала его художественные произведения [...]».

Это опубликовано задолго до того, как стали известны письма В. П. Тургеневой к Ивану Сергеевичу, из которых видно, что юный литератор регулярно посылал свои первые стихи на суд матери. Вкусы их часто не совпадали. «Получаю стихи,— пишет В. П. сыну 1 мая 1839 года,— да еще какие, беспутные, т. е. без рифм. Воля твоя, не понимаю я их. В наши времена так не писали. Я люблю Пушкина за то, что понимаю или разбираю его почерк как свой собственный... Ну что же я буду читать, держа грамоту кверх ногами?.. Не понимаю, не понимаю я. Вот почему и поставила крест и отослала назад. Пиши по-русски, я буду радоваться».

«Новая литература французская,— пишет Варвара Петровна в другой раз,— час от часу лучше, приятнее, проще. Любо и весело читать. А мы, бедные русские, совсем упали. Читают много Муравьева. Поэзия умерла с Пушкиным [...]». «А что за штучка Лермонтов? Но я не верю, чтобы эти стихи он написал, что ты прислал, а не ты. Кто кроме тебя мог написать о матери: стану целый день молиться, по ночам гадать! Это ты [...]. Ты подсмотрел за мной».

Варваре Петровне при жизни пришлось только один раз пережить чувство гордости и тщеславной радости за литературные успехи сына, когда тот опубликовал свою поэму «Параша». Большинство русских журналов откликнулось тогда на это сочинение. Более всего В. П. Тургенева была довольна статьей Белинского в «Отечественных записках». «Я — кухарка Вольтера, не умею выразить. Но согласна, что то, что было похвалено в **Отечественных записках**, все справедливо и, вопреки критике, я горжусь, что моему сыну приходили такие мысли новые. Сейчас подают мне землянику. Мы деревенские, все материальное любим. Итак, твоя Параша, твоя поэма — пахнет земляникой...»

«**Параша** мне прежде еще читаемой похвалы понравилась, и я точно вижу в тебе талант... В **Отечественных записках** разбор справедлив и многое прекрасно, вопреки всем критикам, и песня чудесна... В жизни твоей все еще в начале. Первая песенка поется зардевшись...»

«Право, критику не надо презирать,— продолжает В. П. Тургенева,— это горькое лекарство, но — полезное. Где-то сказал Вальтер Скотт, что надо благодарить критиков, без них бы как без зеркала, не увидел у себя на носу пятна».

Мать писателя и все его домашние, поддерживая юношеское увлечение Тургенева литературой, конечно, рассматривали это как путь к успехам в обществе, как средство, помогающее сделать карьеру. «Что такое поэт, писатель?» — спрашивает В. П. в одном из писем. И сама отвечает: «Твои преферансы, т. е. забавляешься между дела-безделья. Выиграл, проиграл — не разоришься, а время прошло без скуки. Итак, пиши с богом, удачно будет— будешь продолжать, надоест—бросишь. И концы в воду. Твое назначение другое, других услуг ждет от тебя отечество».

Когда Тургенев принял твердое решение целиком посвятить себя литературе, многое в отношениях к нему семьи и близких переменилось. Мать и родственники словно перестали замечать его литературные занятия. Тогда-то и сложилось убеждение, что Варвара Петровна не знала «Записок охотника».

БЕЛИНСКИЙ ЧИТАЕТ «ПАРАШУ»

В середине апреля 1843 года Тургенев, находившийся в Москве проездом, получил два письма от брата Н. С. Тургенева из Петербурга. В этих доныне не опубликованных письмах сообщалось о выходе из типографии первой книги Тургенева, о хлопотах, связанных с ее распространением, о других последовавших за этим событиях, которые представляют первостепенный интерес для историков литературы.

Пока Тургенев был в Москве, ездил в Спасское, в петербургских книжных лавках появилась небольшая брошюрка. На обложке напечатано: «Параша. Рассказ в стихах». Автор обозначен двумя буквами: Т. Л. «Этот Т. Л.,— вспоминал впоследствии Тургенев,— был я; этою поэмой я вступил на литературное поприще».

То время было трудным и памятным для Тургенева. Он недавно вернулся из-за границы, окончательно убедившись в неосуществимости своей мечты об ученой карьере. Мать отказывала ему в материальной поддержке до поступления на службу. Перед двадцатипятилетним Тургеневым открывался безрадостный путь, уже пройденный его братом в одной из бесчисленных столичных канцелярий. У обоих Тургеневых, казалось, не было тогда никаких надежд на перемены к лучшему.

Но молодой литератор продолжал упорно работать в эти зимние месяцы. Несмотря на неудачи, он верил в свое писательское предназначение.

В феврале 1843 года Тургенев познакомился с Белинским, статьи которого давно прочитывал с растущим интересом и сочувствием. Очевидно, в эти же недели Тургенев принимает серьезное для себя решение издать новую поэму отдельной книгой.

Из публикуемой переписки видно, что Николай Тургенев был посвящен во все сокровенные намерения брата, знал его новых литературных друзей, в частности Белинского. Н. Тургенев считался человеком весьма трезвого, даже скептического склада, поэтому важно отметить, что он все-таки поверил в литературные способности брата, а издание «Параши» возбудило у него далеко идущие планы и надежды.

Письма приводятся в отрывках. Они хранятся в собрании Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и при подготовке академического издания сочинений И. С. Тургенева учтены не были.

Н. С. Тургенев — И. С. Тургеневу.

10 апреля 1843 года

«Описать тебе, что мне стоило труда, хлопот, ссор, езды и прочего, чтобы исторгнуть несчастную **Парашу** из рук Эдуарда Праца — невозможно и некогда. К празднику завалили его какой-то казенной работой [...].Еще не знаю как я успею окончить возложенную тобою на меня комиссию.

При сем препровождаю к тебе 6 экземпляров. Ошибок кажется нет [...] Корректуры держал я у Праца, просто жил у него! Не удивись, Jean, что буквы на заглавии переменены [...], простая причина та, что таких букв не нашлось, а те, которые есть, слишком малы.

Заканчиваю пока. Время на почту. Лечу к Белинскому, а потом к Иванову.

О дальнейшем ходе сего дела получишь ты на следующей почте».

17 апреля 1843 года, суббота, С.-Пб.

«Во-первых, о **Параше**, как о предмете близком твоему сердцу. Все кончено, брат, слава богу. 800 экземпляров мною роздано книгопродавцам, а не одному Иванову. Почему? Это узнаешь после.

Белинскому я сам доставил экземпляр, но не застал его дома, а потому отдал его слуге, сказавши, что от г. Тургенева; вот и все. Никитенке доставлен также экземпляр при двух визитных поздравительных карточках.

Когда я Иванову сказал о комиссии книги **Параши**, он спросил меня, много ли экземпляров. Я сказал —800. Он сказал, что очень много, что весьма ему довольно и половины, я так и сделал. 400 экземпляров отнес к нему и получил квитанцию. А так как это стихотворение есть проба для нас, то, чтобы на будущее время знать, кому адресовать из книгопродавцов, и чтобы видеть, кто из них скорее продаст, я с остальными сделал следующее: 100 экземпляров отдал Базунову, 50— Смирдину, 50 —Полевому и 200— Юнгмейстеру.

За праздники продано 15 экземпляров,— по всем магазинам, то есть книжным лавкам. Сейчас отправлено по приказанию твоему 2 экземпляра к [А.] Бакунину в Москву [...].

Я полагаю, что в эту минуту, как к тебе пишу, ты получил уже 6 экземпляров, посланных к тебе еще на страстной неделе.

Очень рад и восхищен, что успел покончить эту комиссию. Желаю тебе радоваться и веселиться и любоваться книгою. Издание, право, очень мило и просто».

Письма эти существенно дополняют наши сведения о первых шагах литературной деятельности Тургенева. Дело в том, что обстоятельства, сопутствовавшие знакомству Тургенева с Белинским и началу их сотрудничества, до сих пор до конца не выяснены. В «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев рассказывает об этом периоде весьма сдержанно, с обычной для него недоговоренностью: «Когда появилась та небольшая поэма «Параша»..., я... сходил к Белинскому... и, не назвавшись, оставил его человеку один экземпляр... Получив майскую книжку «Отечественных записок», прочел в ней длинную статью Белинского о моей поэме... Возвратившись в Петербург, я, разумеется, отправился к Белинскому, и знакомство наше началось».

Мы можем теперь внести уточнения в последовательность событий, о которых говорится у Тургенева. И здесь, как нам кажется, дело не только в том, что четверть века спустя автор «Литературных и житейских воспоминаний» не мог в точности восстановить все детали. У тех, кто уже прочитал вышеприведенные письма, создается впечатление, что Тургенев по каким-то причинам просто не хотел вдаваться в подробности своих ранних отношений с Белинским.

Личное знакомство Тургенева с Белинским, как уже указывалось, состоялось до появления в свет «Параши». Из других неопровержимых источников известно также и то, что они встречались в период работы Тургенева над поэмой.

Любому начинающему автору не просто решиться на отдельное издание, связанное к тому же с трудными по тем временам коммерческими сношениями с книгопродавцами. Но особенно нелегко это было Тургеневу: ведь даже в пору писательской зрелости он никогда не печатал своих работ без предварительного совета с литературными друзьями. Кому же он мог читать «Парашу» в феврале — марте 1843 года? С кем посоветовался?

Письма Николая Тургенева впервые дают возможность высказаться на этот счет более определенно.

Проследим за хронологией событий. Тургенев работал над поэмой в начале 1843 года. В феврале он встретился с Белинским. В письме к Бакуниным 23 февраля 1843 года Белинский сообщал: «Недавно познакомился я с Тургеневым. Он был так добр, что сам изъявил желание на это знакомство».

30 марта было получено цензурное разрешение на издание «Параши». А на другой день на квартире у Комарова состоялась встреча Тургенева с Белинским. «Я несколько сблизился с Тургеневым,— писал Белинский в эти дни В. П. Боткину.— Это человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек. Беседа и споры с ним отводили мне душу».

Конечно, исчерпывающими сведениями о встречах Белинского и Тургенева в тот период мы и теперь не располагаем. Но и того, что известно, вполне достаточно, чтобы говорить об их постоянных связях и дружеских беседах в дни, когда «Параша» сдавалась в печать. До отъезда Тургенева в первых числах апреля они, по-видимому, вновь условливались о встрече, о чем свидетельствует записка, посланная Белинским: «Прощайте, любезнейший Иван Сергеевич! Очень жалею, что не удалось в последний раз побеседовать с Вами. Ваша беседа всегда отводила мне душу, и, лишаясь ее на некоторое время, я тем живее чувствую ее цену». В собраниях сочинений Белинского записка отнесена предположительно к 20 апреля, но по сопоставлению с публикуемыми сегодня письмами Н. Тургенева дата может быть уточнена — не позднее 10 апреля 1843 года.

Как только напечаталась поэма, Николай Тургенев, мы уже знаем, первый ее экземпляр спешит отвезти Белинскому. Почему? Из сказанного выше можно вывести только одну причину: Белинский был знаком с «Парашей», знал о предстоящем выпуске книги и торопился с уже намеченной статьей в майский номер «Отечественных записок», который надлежало спешно сдавать в типографию.

Остальное нам известно.

Если все эти выводы достаточно убедительны, мы можем отныне с большой долей вероятности говорить о предварительном знакомстве Белинского с первым произведением Тургенева, которое знаменовало переход молодого литератора на позиции реалистического искусства.

В летопись жизни и творчества Тургенева тогда можно будет вписать еще одну новую строчку о том, что первая его книга была одобрена Белинским в рукописи.

БРИГАДИР ТОНЯ

Бригадир Антонина Калинина в лагере для малышей.

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Д. УХТОМСКОГО.

Раннее утро. На первой ферме совхоза «Еланский» только что закончилась дойка. Там и тут мелькает белый халат Антонины Петровны. Доярки одна за другой сообщают ей о надоях. Антонина Петровна — бригадир, она не по годам серьезна и

Первая бригада направляется на дойку.

На культурных пастбищах...

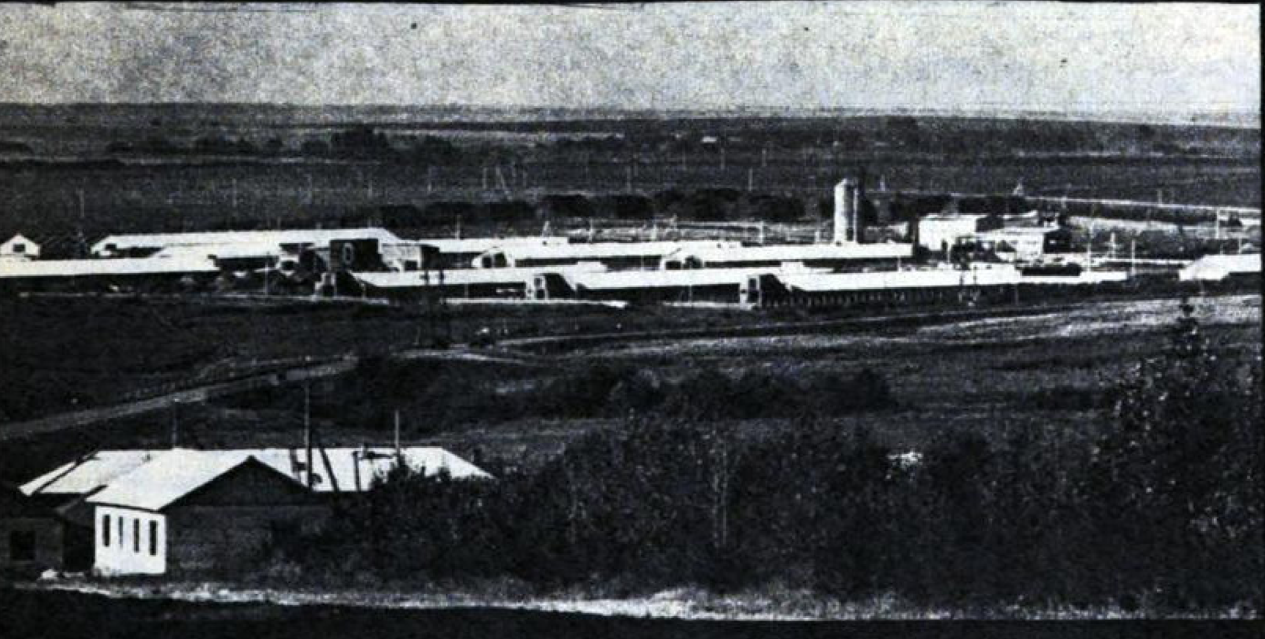
очень требовательна. И вдруг — улыбка, неожиданная шутка; и вот бригадир уже просто Тоня, Тонечка, такая своя, давно знакомая и милая. Скоро год, как она приняла эту ферму!

Еще бы, ферма № 1, как в общем-то и совхоз «Еланский» в целом, не совсем обычна. Совхоз входит в объединение, специализирующееся на выращивании высокоудойных коров. Дело в том, что дальнейшее развитие животноводства требует не только строительства современных молочных комплексов, но и создания нового стада. Индустриализация предъявляет, таким образом, новые требования и к строителям, и к зоотехникам, и к дояркам. Молочное стадо должно быть подготовлено, даже, если хотите, воспитано для «работы» на современной фабрике молока, где действует автоматика, где все коровы должны иметь примерно одинаковые и аппетит, и вес, и удои, поскольку процессы кормления и доения автоматизированы.

В объединении, в которое входят че-

На совещании у директора. На снимке: главный зоотехник Н. Н. Кротова, директор совхоза А. И. Кукольников, А. П. Калинина и секретарь парткома совхоза А. М. Филин.

Ардымская ферма племенных телочек.

Муж Тони Виктор работает в совхозе электриком.

тыре совхоза, среди них и «Еланский», все роли по созданию и эксплуатации современного молочного стада строго распределены. Совхоз «Ардымский» выращивает телочек с «детского» возраста до того времени, когда они уже стельными передаются в соседний совхоз «Еланский». Здесь их готовят к отелу и одновременно раздаивают. Последнее — чрезвычайно ответственное дело! Раздой на племенных фермах, в том числе и в бригаде молодого специалиста Антонины Петровны Калининой, осуществляется по специально разработанной методике Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования [ВСХИЗО]. Только после того, как молодые коровы пройдут полный курс «науки», они получают паспорт «гарантийной продуктивности». А с таким паспортом их охотно покупают любые хозяйства, заботящиеся о высоких надоях.

Вот каким делом занята бригадир Тоня — Антонина Петровна Калинина. В свои неполные двадцать три года она уже имеет пятилетний стаж доярки, диплом специалиста со средним образованием и Ленинскую юбилейную медаль. Мать Тони, старейшая доярка совхоза Анастасия Михайловна Калинина, работала на той же ферме. Конечно, в ее пору труд доярки был несравнимо тяжелее. Тоня с малых лет прибегала на ферму, охотно помогала матери. Так и пристрастилась. Но как же изменился за последние пять лет характер труда доярок на фермах совхоза «Еланский»! Теперь здесь не просто «гонятся» за надоями, а по науке раздаивают элитных коров для продажи. Качественно иные задачи у нынешних доярок!..

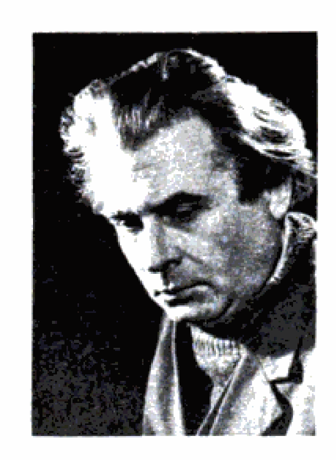
***

Недавно в печати было опубликовано постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов и ЦК ВЛКСМ. Постановление подводит итоги Всесоюзного социалистического соревнования за увеличение производства и заготовок продуктов животноводства в четвертом квартале прошлого года и первом полугодии нынешнего года. В числе победителей соревнования назван Пензенский район, Пензенской области, район, в котором находится совхоз «Еланский».

Сюда телята попадают, когда им исполнится три недели. Здесь они воспитываются до восемнадцати месяцев, а потом снова возвращаются к Тоне.

Игорь ГРУДЕВ

ЗЕРНА

* * *

Дождь, как из ведра,
До донышка...
Лег посевом
В борозде.
В каждой капельке—
По солнышку,
В каждой капле—
По звезде...
И совсем
Не замечается
Этой мудрой
Простоты...
Нынче на ветру
Качаются
Все небесные
Цветы!..

РОМАШКА

Светило с вьюгой
Обвенчаются...
А летом
На степной
Равнине
Стоит
И на ветру
Качается
Снежинка
С солнцем
В середине...

ГРОЗОВАЯ ИЛЛЮМИНАЦИЯ

Гром ворчит нам
Ласково,
    неласково.
Все вокруг
Сверкает
    и горит...
Капельки дождя,
Как будто
    лампочки
С ниточкою молнии
Внутри...

ТРУДОВОЕ

Все в труде.
Здесь под ветром
Склонилась былинка.
Под лучами,
Как жесть,
Прогибается лед...
Словно божья коровка,
Полусфера росинки
На себе
Звездный хор,
Отражая, несет!..

* * *

Хоть тихо ложится
На сердце усталость,
Как пыль на ботинки
От дальних дорог,
Еще прошагать мне
Немало осталось,
Еще сединою
Совсем не продрог!

ПЕРВОКЛАШКА

Новорожденным сегодня
Голубь гулькает...
А весна, умывшись
После стуж,
Учится писать
Пером-сосулькою...
Во дворах—
Сплошные кляксы
Луж...

* * *

Пруда
Синеющий овал.
Вокруг,
Как бы оправку,
Кузнечик
За день
Отковал
Серебряную травку.

КАПЛЯ

Как эталон,
Она висит
Веками...
В ней отблески
Гремящих, ярких
Гроз,
В ней солнца
Грузный шар,
Луны
И тяжесть
Звезд —
Вот почему
Та капля
Долбит камень!..

СЕЛЬСКОЕ

Солнце у неба
Стоит в серединке,
Жаркое золото
Синевы...
Строчит кузнечик
На швейной
Машинке,
Луг прошивая
Ниткой травы...

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Капель
Жемчуг звонкий
Прыгает, светя...
Радуги гребенка
В волосах
Дождя...

ЗВЕЗДНАЯ МЕДВЕДИЦА

Видно, с неба их
Мороз принес,
Вот и сказка зимняя
Мне грезится:
Закружились семь
Снежинок-звезд
Белою, лохматою
Медведицей!..

ОСЕНЬ

А она, как былого
Приметы...
Вон плывет
Вдоль лесов
И полей:
С волосами
Бабьего лета,
С голосами
Седых журавлей...

* * *

Осенняя сползала
Позолота...
Мир обнажался,
Он просторней
Был...
А тучи шли
И шли,
Как будто
Кто-то
Там, на краю,
Задумчиво курил...

* * *

Горят над клумбой
Огненные маки...
Сверкнул белесый
На ветру
    пушок,—
Лучистый,
Отлетевший
    огонек,
В ком прячется
Ростка
Зеленый факел.

* * *

Полуночный сад
Шелестит,
Шелестит
С ветром
В паре...
Желтеет луна,
Словно глаз
Недремавшей
Совы...
А вместо дождя
Закружился
Осенний гербарий:
Сухие,
    огромные,
Желтые
    капли
Листвы...

ПОЗДНЯЯ РОЩА

А березы
Все пусты...
Горбятся
На фоне света
Бело-черные
Хребты
С ребрами
Осенних веток...

* * *

И снова
На сердце
Щемящая боль.
В дырявости
Белой
Круженье
Вполсвета...
Снежинки,
Снежинки,
Как
    белая моль,
Что съела
    наряды
Осеннего лета...

* * *

Шел дождь
Крупней черешен.
Он свежим пах
Листом,
Он ветром был
Замешен
На солнце
Золотом...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРОМКЕ ПРИБОЯ

Н. ХРАБРОВА,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Возвращение из командировки в Эстонию — это каждый раз возвращение домой: именно в Таллине находится Прибалтийский корреспондентский пункт «Огонька». Кроме того, в Эстонии я прожила почти всю жизнь, за исключением четырех лет войны.

Помню, как в 40-х годах, обучая меня азам журналистики, тогдашний «король репортажа» говорил: «Ты ведь в некотором роде уникум: надо же, родилась и жила при капитализме! Всю жизнь ты обязана быть свидетелем обвинения».

Но иногда мне казалось, а не превратится ли свидетельство обвинения в сведение счетов между мной лично и буржуазным государством, оставившим на дне души моей неизгладимые обиды? Нет, ведь оно, буржуазное государство, обворовало целый народ, и не только материально, но и нравственно. Как это? А вот так: мелкими подачками, воспеванием стяжательства и собственности народ загоняли в духовный тупик. Хутор! Отгороженный от посторонних глаз густой живучей еловой изгородью хутор — вот что преподносили эстонцу в качестве духовного и материального идеала.

Ну, а если оглянуться на мое «капиталистическое» детство? Оно мало чем отличалось от детства миллионов сынов и дочерей рабочих и крестьян — бедняков и батраков, познавших, что есть буржуазное государство. Помню, как, вытащив сороковое ведро для поливки огорода, я сорвала на руке связки. Правда, мне, восьмилетней девочке, еще повезло: меня не посылали в «капорки» на «ту сторону», иначе говоря, копать картошку на кулацких хуторах за рекой Наровой. Мои сверстницы, девчонки тридцатых годов, возвращались с «той», хуторской стороны неузнаваемыми. Швырнув на стол несколько крон, на которые можно было купить немножко керосина и сахара, они говорили, сузив в щелку сухие, захолодавшие глаза:

— Подавиться бы им этими кронами... Месяц держали, как свиней, на картошке и простокваше, в поле, как скотину, гоняли без передышки. Проклятое кулачье!

Этим девчонкам было вдесятеро больнее оттого, что в четырех километрах от нашей деревни пролегала граница, и там, за рубежом, в Советской России, наши сверстницы шли работать в колхоз, на завод или учиться в университет; у них, конечно, и были свои трудности, но зато у них было будущее, и не было над ними «проклятого кулачья».

Столько лет прошло, а никак не могу я забыть друзей моей юности, которые покончили с собой, отчаявшись найти работу, или были застрелены при попытке уйти в Советский Союз, или замучены в сланцевых шахтах.

И в этот вот летний день 1973 года, когда так уютно нежится в солнечных потоках эстонское побережье Балтики и нарядные, окруженные садами стоят у дороги новые эстонские колхозные поселки, я особенно остро чувствую себя свидетелем всего доброго, что рождено Советской властью.

...Недалеко от Таллина — колхоз «Рахва Выйт», что значит «Победа народа». Здесь все — от названия колхоза до новых каменных домов, от ферм и прочих хозяйственных строений — говорит о победе эстонского народа над прошлым.

Перемены начались в 1948 году. На первом собрании новорожденной артели сидели крестьяне и думали: кому доверить хозяйство? Раздавались и голоса таких, которые считали, что доверить можно человеку опытному, и тут же многозначительно добавляли: «А значит, зажиточному». Теперь уже не вспомнить, кто первым назвал Рудольфа Маннова. И сразу стало тихо. Кто-то насторожился, ощетинился: «Молод еще, двадцать семь лет всего». А кто-то твердо и решительно возразил: «Он фронтовик, воевал за Советскую власть. Это ли не проверка?»

Так этот худощавый, веселый человек, не пожелавший расстаться с солдатской шинелью, стал председателем одного из эстонских колхозов.

Рудольф Маннов не изменился с тех пор. Он все так же худощав, все так же весел, подвижен, с восхода до захода на ногах. Усталости не чувствует, на здоровье не жалуется, а о двух тяжелых ранениях помалкивает. Говорит он о колхозных делах горячо.

— В прошлом году наш доход составил два миллиона триста тысяч рублей, нынче будет больше. Премии получаем. Обзавелись машинным парком. Богатеем. Колхозный центр сами видите какой.

Видим... Видим каменные коттеджи колхозников. Видим заасфальтированные дороги, центральную площадь и море цветов вокруг поселка, словно это первоклассный курорт, а не трудовая деревня. Четверть века назад стояли тут старые деревянные дома, и я сама считала, сколько под деревянными крышами, а сколько под соломенными. Под соломой было больше.

Я спросила у Маннова, какие события личной жизни запомнились ему больше всего. Он ответил:

— Майский день сорок пятого года в рижском госпитале, где я узнал, что закончилась война... Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда. Это было в пятьдесят восьмом... И еще каждый новый дом колхоза, каждая новая ферма, каждый урожай свыше тридцати центнеров с гектара. И все двадцать пять отчетно-выборных собраний, где меня снова и снова избирали председателем...

Мы разговаривали в поле. Справа комбайны собирали ячмень — опять свыше 30 центнеров с гектара! Слева паслось стадо больших черно-пестрых коров, одно из самых удойных стад в республике. Люди спокойно совершали свой извечный благородный сельский труд. И сияло над полями спокойное солнце. И дух уверенности в завтрашнем дне, несвойственный эстонскому крестьянину на протяжении столетий, стал теперь тоже привычным.

ЗДРАВСТВУЙ, НАРВА!

Но меня тянет в Нарву, город моей юности.

Итак, здравствуй, Нарва. Люблюсь ею, и двойственное чувство владеет мной. В памяти другой город. Старинный, с острыми шпилями, с двумя могучими крепостями на противоположных берегах Нарвы — шведской и русской.

Мы приехали в некогда глухие места, заросшие кустарниками и страсть как кишевшие змеями. В ту давнюю пору я собирала тут клюкву и морошку, и даже присниться не могло то, что вижу здесь теперь.

Не стану скрывать — мне жаль погибшую в войне средневековую Нарву. Как любовались бы люди ею теперь, если б она уцелела — даже больше, чем средневековым Таллином: она была не угрюмой, уютной. Но я не отношусь к тем ее старожилам, которые говорят, что новая Нарва им чужая. Она все равно моя, хоть и ничем не похожа на тот каменно-сводчатый в центре и серенький, деревянный по окраинам городок. Новая Нарва мне дорога иными качествами. Она озабочена тем, чтобы у всех ее жителей были квартиры, ничем не напоминающие рабочих каморок Кренгольмских казарм. Теперь она заботится не о том, как ликвидировать безработицу, а о том, как насытить рабочими руками цеха и стройки. Люди двадцати, а то и тридцати национальностей работают на нарвских стройках. Дружба и хорошее рабочее настроение в таких коллективах — естественное состояние. И молодежь тут жалуется отнюдь не на отсутствие работы. У молодых людей новые большие запросы: мало клубов, кинотеатров, танцплощадок, кафе, мест, где можно приятно провести свободное время.

Эстония на общей карте Советского Союза сама по себе невелика, а тот ее кусочек в окрестностях Нарвы, где мы остановились, и вовсе пятачок. На небольшой глубине под этим пятачком залегает эстонский сланец. О нем много пишут и говорят начиная с того момен-

Большой тыраверский телескоп.

Может быть, они тоже станут автогонщиками.

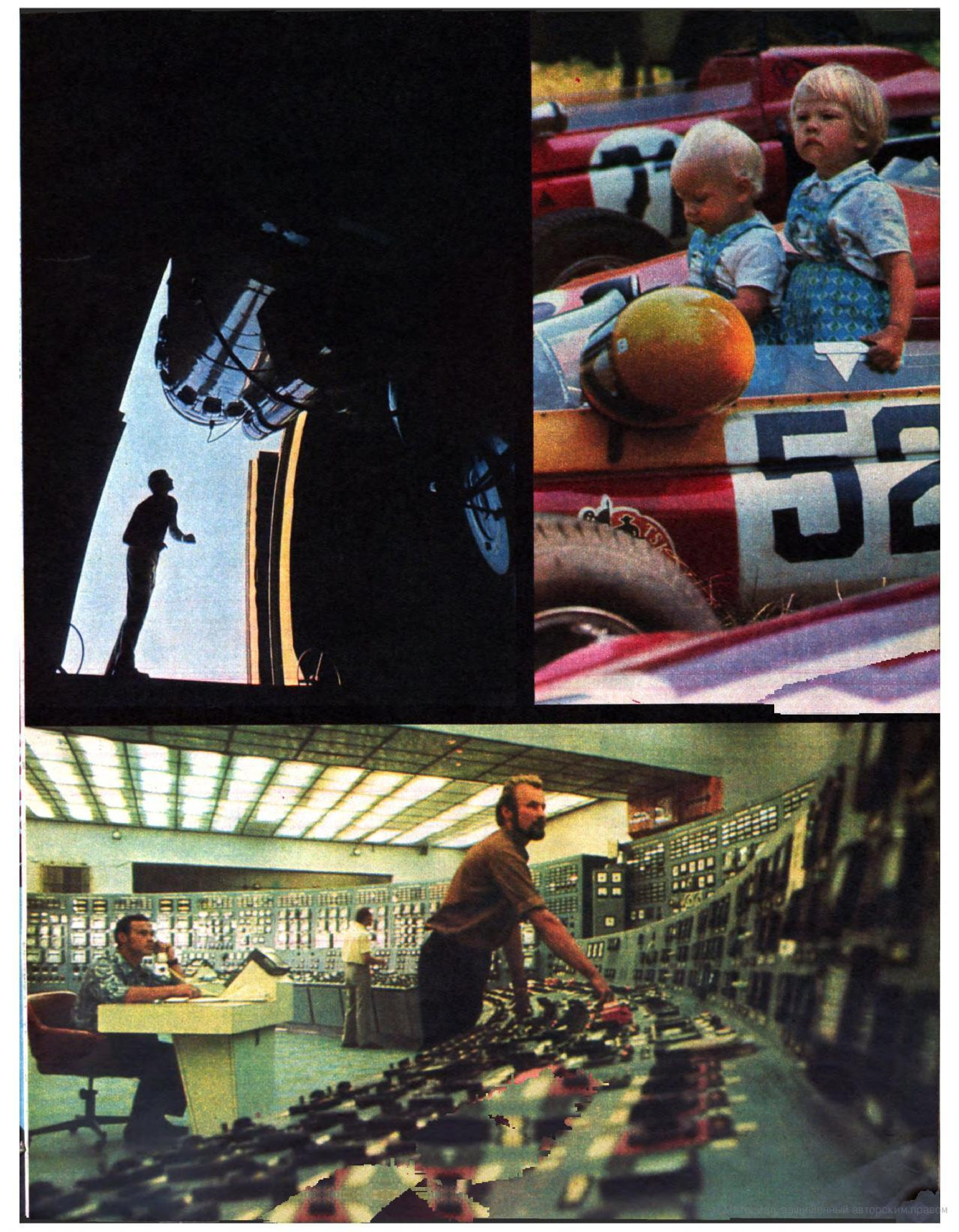
Блок управления Эстонской ГРЭС.

На развороте вкладки:

На празднике эстонского танца: ритмы, музыка, краски.

Исполнительница народных танцев Юула Хольм, девушка из поселка торфяников Тоотси.

Внизу: праздничные картинки.

52

та, когда пастушата сложили из коричневых легких камней печку, а она вспыхнула и сгорела. С того огонька и началось пламя великой индустриальной силы. Не сразу, конечно. Надо было случиться топливному кризису первой мировой войны, чтобы здесь открылись разработки. Потом на время все заглохло: заносчивая мелкая эстонская буржуазия и не представляла, с какого боку подойти к своему национальному богатству. И все же додумалась: сдала сланец в концессию англичанам, немцам, шведам, да как-то так умудрилась сдать, что весь доход от сланцевых разработок шел в карманы иностранных предпринимателей.

Сейчас в молодом городе Кохтла-Ярве сохранилось несколько двухэтажных домов из серого плитняка постройки тридцатых годов. Нынче на фоне белого города они выглядят как хозяйственные постройки, а тогда, я это помню, казались нарядными, недоступными. Улочку, на которой они стояли, народ с присущим эстонцам чувством юмора называл «Сийдисукка» — «Улица шелковых чулок»: жили на ней иностранные инженеры, их дамы носили шелковые чулки.

За весь 1940 год в Кохтла-Ярве было добыто 937 тысяч тонн сланца. Теперь только одна, недавно вступившая в строй шахта «Эстония» будет давать 5 миллионов тонн в год. А вообще народному хозяйству республики требуется 26 миллионов тонн сланца в год для химии и энергетики. В неких капиталистических городах некие испуганные эмигранты рыдают: эстонские большевики, мол, «хищнически эксплуатируют сланцы». Ладно, утрем на сей раз горючую эмигрантскую слезу: советские геологи подсчитали, что при теперешних размерах добычи сланца запасов хватит на 400—500 лет. Правда, тогда сланец не нужен будет. Уже сейчас на разные нужды эстонского народного хозяйства поступают более эффективные виды топлива: каменный уголь, нефть, газ. Нефте- и газопроводы длиной в несколько тысяч километров перестали быть проблемой. А пока на электростанции идет сланец.

Эстония, где в годы моей юности домохозяева зорко следили, чтобы квартиранты жгли поменьше электричества, теперь по производству электроэнергии на душу населения вышла на одно из первых мест в мире. И все это электричество рождается здесь, рядом с Нарвой.

— Знаете, сколько мы даем электричества?— сказал Марк Захарович Гудкин, главный инженер Эстонской ГРЭС.— Миллион шестьсот тысяч киловатт, чуть ли не три Днепрогэса. Прибавьте столько же с соседней Прибалтийской ГРЭС. Итого шесть Днепрогэсов вот на таком крошечном кусочке эстонской земли!

Потом Марка Захаровича закрутил и оторвал от нас вихрь каких-то электрических дел, мы были переданы на попечение заместителя начальника технически-производственного отдела Юния Тенисона, и он повел нас по машинному залу. Зал этот длиной в 640 метров мощно гудел, и над турбинами дрожало марево. Юний Тенисон, выпускник Ленинградского электротехнического института, работает в системе Эстонэнерго с 1954 года. Для него рост производства эстонской электроэнергии все равно как даты собственной биографии. Он вел нас по технологической линии от конца к началу и рассказывал:

— Нам помогают Ленинград, Москва, Таганрог, Запорожье, Сызрань. Вот смотрите — таганрогский котел: в сорок три метра высоты, в час сжигает двести сорок тонн сланца.

И верно: по рельсам, выскользнувшим из кустарника, идут без перерыва составы со сланцем. В течение пяти секунд огромный металлический вагон переворачивается на опрокиде, из него вытряхивается на дробилку 96 тонн сланца. И едва этот вагон успевает отойти, как уже подкатил следующий. И так из смены в смену, из года в год сызранские мельницы перемалывают сланец в пыль, и она сгорает в топках котлов при температуре в 1 400—1 500 градусов. А дальше все как в школьном учебнике: пар — турбины — электричество — ЛЭП — жизнь.

На электростанции сланец идет из многих шахт. Но открытый способ его добычи наиболее выгодный. И тут речь пойдет о разрезе «Нарва». Он сравнительно молод — открылся 1 октября 1970 года. Растет масштабно: в 1971 году дал 1,8 миллиона тонн сланца, год спустя — 2,5 миллиона и уже близится к выполнению плана нынешнего, третьего, решающего: 3,5 миллиона тонн.

...Стремительные дороги кажутся сиреневыми от золотого утра. Вылетит такая стрела-дорога из Нарвы, пронзит зеленый ольшаник, и вдруг оборвется. Вывернутая наизнанку земля лежит здесь каменистыми горными цепями непривычного, серовато-сиреневого оттенка. Среди земляных нагромождений кивают и кивают ковшами экскаваторы. Шагающие вскрывают поверхность, режут траншеи. Экскаваторы с ковшами, захватывающими сразу 4,6 тонны, разрабатывают пласт: три раза наклонятся, куснут сланец, выбросят в «БелАЗ», и вот уже он тяжело выбирается из карьера к вагонам. За ним — следующий. Людей мало, и они кажутся маленькими рядом с гигантскими машинами. Во второй траншее одиннадцать человек за смену дают три тысячи тонн сланца. Начальником смены работает здесь Алексей Никонович Фефелов. Учился в техникуме, потом заочно окончил Московский энергетический институт, 17 лет проработал в Кузбассе, затем решил, что надо туда, где «покруче», и поехал во Вьетнам, восстанавливать разрушенную шахту. Вернувшись, попал на нарвский разрез. Ничего, нравится.

— Главное в нашей работе — хорошая организация труда,— считает Алексей Никонович,— это всюду нужно и всюду возможно... Когда мы уйдем отсюда, горные цепи земли не оставим, заровняем бульдозерами. А за нами придут лесники, посадят сосны, и будет тут лес.

БЛАГОДАРНОСТЬ И УВАЖЕНИЕ

Говорят, эстонцы — замкнутый народ. В самом деле, на улице или в трамвае люди не так общительны, как, скажем, в Москве или в Махачкале. Иной климат, иной темперамент, иные привычки. Только не надо делать на основе внешних впечатлений далеко идущие выводы.

...Есть в Таллине улица Вене, неприметная на первый взгляд: ни самых высоких в Европе шпилей, ни больших новостроек нет на ней. Улица эта сурово вписалась в историю буржуазной Эстонии. Здесь была женская тюрьма, где эстонские коммунистки, женщины героической судьбы, ни на один день не прекращали борьбы с буржуазией. Сохранилась старая фотография: во дворе-колодце на крыше большой помойки сидят девушки — худенькие, бледные. Ловят лучики почти не проникающего сюда солнца. Эти девушки, чудом уцелев от кровавого полицейского разгрома Эстонской компартии, без оружия продолжали сражаться в тюрьме: смело высказывали свое полнейшее презрение к тюремщикам, к карцерам, ко всей системе угроз и наказаний, читали политическую литературу на непонятных тюремщикам русском, немецком или французском языках...

Обстоятельства сложились так, что с некоторыми из них, с Ольгой Лауристин, Альмой Ваарман, Алиде Соммерлинг, я иногда встречаюсь, разговариваю. И с теперешним президентом Эстонской Академии наук, бывшим политзаключенным Арнольдом Веймером, приходилось встречаться не однажды. Каждая встреча — событие. Да, пожалуй, сначала они могут показаться замкнутыми: никаких излишних откровенностей, никаких излишне громких слов о своей трудной и высокой судьбе. Но их рассказы вызывают целый комплекс чувств — и уважение, и благодарность, и нежность.

Теперь улица Вене мирная, музейная. Она почти не перестраивается, в ней по-прежнему много старинных маленьких каменных дворов-колодцев. Почему-то всегда интересно заглядывать в такие дворы — тут нет солнца, нет ни травинки, пахнет сыростью старых подвалов. И вдруг — натыкаюсь на два старинных, темных, украшенных металлом сундука.

— Да не старинные они, это Тоомас их такими сделал, и никаких сокровищ в них нет — дрова и брикет храним, у нас здесь еще печное отопление,— улыбается хозяйка сундуков Анна Федоровна Энке.— Да вы проходите, тут еще кое-что можно посмотреть.

Да уж, можно посмотреть. И на настурции, которые цветут в горшках на каждой ступеньке лестницы. И еще можно увидеть, как на крохотном клочке темного двора ухитряются цвести высокие веселые далии. И как узенькие, подслеповатые окна облагорожены переплетами под старину. И как старинный ревельский фонарь украшает голую неприветливую стену.

— Том, ну иди же, покажи свои фонари! — зовет Анна Федоровна. Выходит на зов ее муж, слесарь таллинского завода «Терас» Тоомас Энке. Он открывает дверцу в подвал. Подвал как подвал, именно в таких-то и хранят тут дрова и картошку. Да вот дверца у него особая: каждая створка — произведение искусства, за ручку взяться приятно. Анна Федоровна помогает нам спуститься по каменным ступенькам, щелкает выключателем, — и единодушное «ах!» раздается в подвале. Ахаем мы, ахает чета молодых туристов. Под тяжелыми низкими сводами на древних грубых дубовых скамьях бог весть какого века и на полках, сделанных уже золотыми руками Тоомаса, лежит несколько десятков фонарей. Там же старинные чайники и самовары, где-то обнаруженные Тоомасом старинные сосуды. Но главное — волшебные фонари, которые то темнеют чугунными гранями, то поблескивают латунью, то светятся обыкновенными, из кастрюльного алюминия, боками.

— С металлом туговато,— слышим негромкий голос Тоомаса Энке.— Металлолом переплавляю да обрезками пользуюсь.

Эти обрезки и остатки, побывав на маленьком верстачке Тоомаса Энке, стали произведениями искусства. Нарядные, суровые и ажурные, с завитушками и переплетами.

— Нельзя ли купить хоть один? — робко спрашивает девушка-туристка.

Анна Федоровна смущенно и недовольно отворачивается, а Тоомас отвечает спокойно и привычно. Видно, не в первый раз с такой просьбой обращаются к нему.

— Нет. Можно только смотреть. Если начну продавать, что же буду другим показывать? Это у меня увлечение такое: делать фонари. Случается, я делаю их и по заказу для разных общественных зданий, вывесок. Стараюсь повторить формы тех, что когда-то висели на улицах, да и теперь встретишь в старых дворах. Так что они принадлежат городу...

НА ХОЛМАХ ТЫРАВЕРЕ

...В двух десятках километров от Тарту тянутся невысокие холмы Тыравере. На них стоят сооружения с раздвижными куполами — башни для телескопов. В башнях этих астрономы. Только звезд они теперь уже сами не наблюдают, разве что из любопытства. Теперь это делает фотографирующая и записывающая аппаратура, неизмеримо более точная, более мощная, чем человеческие глаза, хотя бы и усиленные телескопами. А телескопы в Тыравере монтируются новые, с большим диаметром линз. Младший научный сотрудник Яак Ситска нажимает какие-то рычаги и кнопки, и купола с гулом начинают вращаться, раздвигаться. Дневное небо в щели куполов кажется особенно синим и глубоким. Сейчас наблюдения не ведутся, но в эти дни в Тыравере усиленно готовятся к зиме.

Яак Ситска работает по особой программе — он изучает «красные карлики». Это — красные звезды поздних спектральных классов, их множество, их надо еще считать и изучать...

— Что же может сделать человек за свою такую короткую жизнь? — В моем вопросе, конечно, есть страх непосвященного перед бездной, что «звезд полна», где по-прежнему «звездам числа нет, бездне — дна».

— Очень многое!— убежденно говорит Яак Ситска.— Каждая крупица знания о космосе — огромное событие. Эту крупицу передаешь, как эстафету. Наверное, есть где-то такая галактика, как наша, и есть в ней планета, похожая на нашу, и живут там люди, похожие на нас. Представьте себе будущую встречу с ними и обмен знаниями!

Наверное, так будет. И пригодятся на том симпозиуме знания белокурого парня из небольшой эстонской обсерватории.

...В одном справочнике я прочла, что каждый двадцатый эстонец поет в хоре. Не думаю, чтобы этот каждый двадцатый обладал баритоном Тийта Куузика. Важнее другое — причастность к высокой культуре пения, любовь к музыке. Облагороженные этой любовью, эстонские хористы необычайно дисциплинированны.

Наверное, и каждый двадцатый эстонец танцует в коллективе самодеятельности. Однако не количеством участников, а красотой пленил нас этот праздник. Были представлены все 100 видов эстонских национальных костюмов — при минимуме стилизации и максимуме этнографичности. Море красок, чудо природного вкуса! Танцы медлительные, ритмичные, под стать медлительности и ритмичности балтийских волн. Рисунок у них геометрический, даже почти гимнастический и нарочито «деревянный», с юморком. В этом их своеобразие и очарование — ибо что было бы, если бы все наши народы танцевали только виртуозную лезгинку? Мы бы просто не смогли ее оценить, и не знали бы прелести эстонского «тульяка», литовского «клумпакониса», танцев нивхов и коряков.

Праздник песни, праздник танца! Это настоящие праздники искусства, которыми увлечен целый народ — от трехлетних малышей до людей весьма почтенного возраста.

Индустрия добычи сланца.

Колхоз «Рахва Выйт». На животноводческой ферме работают машины.

Тоомас Энке и творение его золотых рук.

Атака.

Тридцать лет назад, 25 сентября 1943 года, войска Западного фронта освободили от гитлеровских захватчиков Смоленск. В этот день мне, фронтовому корреспонденту газеты «Красноармейская правда», довелось вместе с передовыми частями войти в город. Улицы Смоленска, исторические здания, древний кремль — все лежало в развалинах. Спустя тридцать лет я снова приехал в Смоленск, прошел по тем же местам, которые фотографировал в день освобождения, и снова сделал снимки. Вот как выглядели эти места тогда и как выглядят они теперь.

Михаил САВИН

СМОЛЕНСК — ВОИН И ТРУЖЕНИК

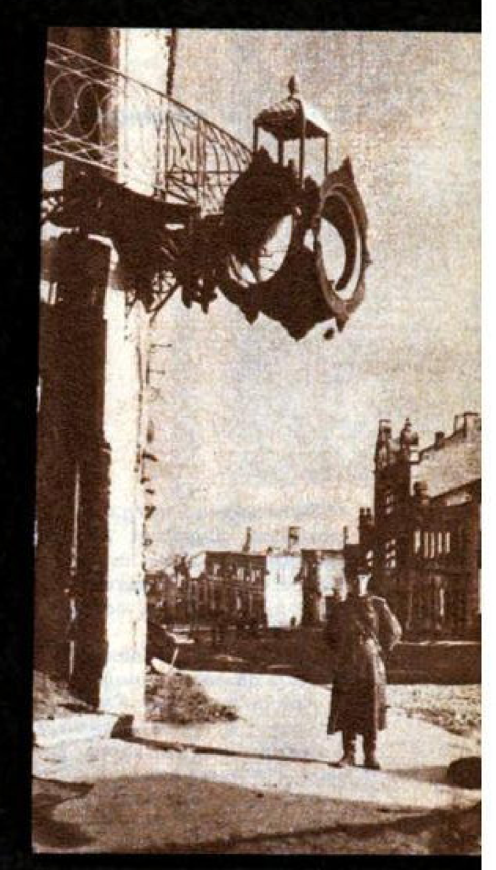
Площадь Ленина.

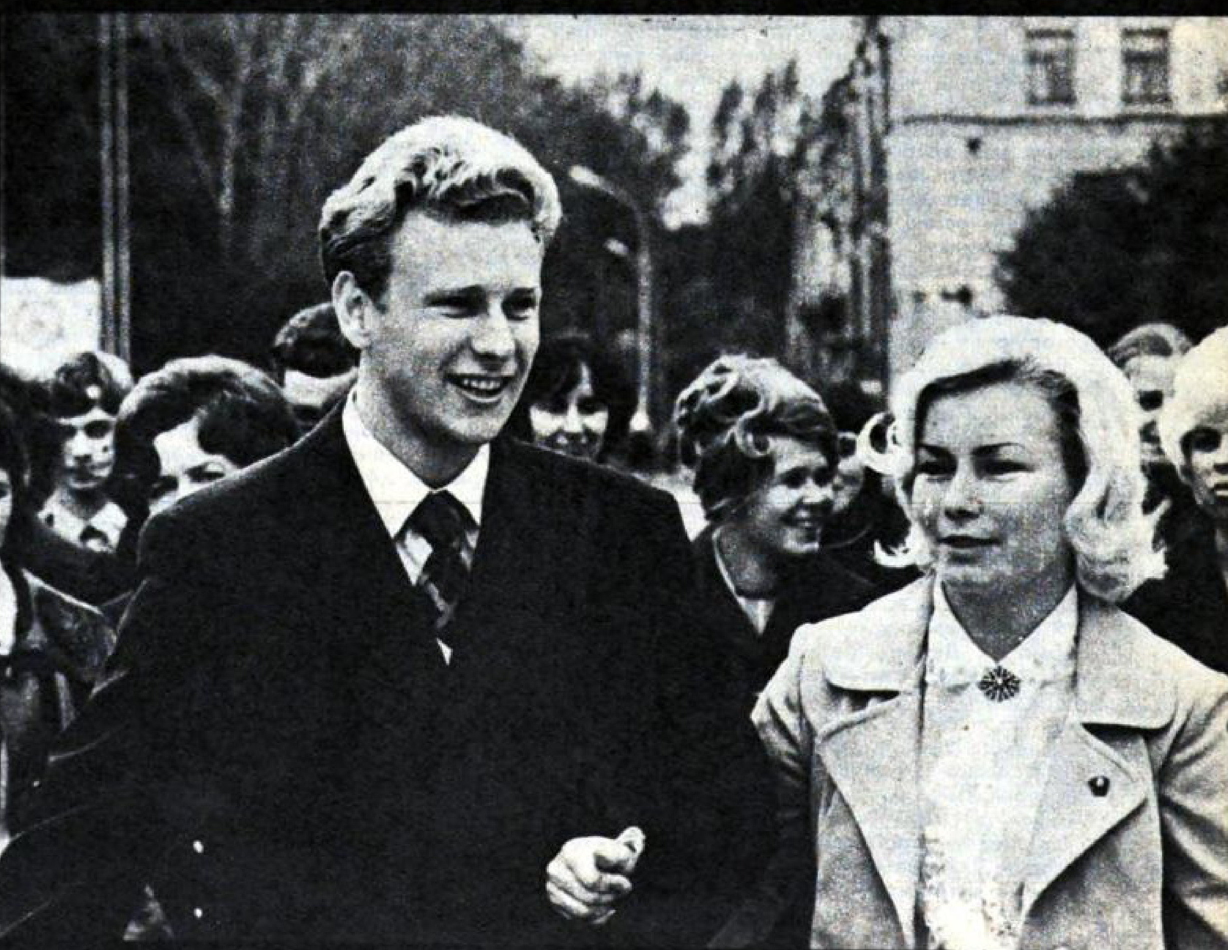

У стен Смоленского кремля.

Свидание под часами.

Смоляне 1943—1973 годов.

Ханс ШЕРФИГ,
датский писатель

РАССКАЗ

Рисунок П. **ПИНКИСЕВИЧА**

Была осень, когда я прибыл в английское поместье Даверил Хол. Чтобы добраться из Лондона до этого старинного замка, величественно возвышающегося среди красивых и плодородных земель, потребовалось добрых полдня езды.

Путь к замку лежал через огромнейший парк с разветвленной системой старинных симметричных аллей. Само здание, казалось, сооружали с таким расчетом, чтобы сразить посетителя, подавить его, вселить в него смирение и приниженность, чтобы при встрече с Его Превосходительством лордом Даверилом он чувствовал себя самой жалкой тварью.

Человек, встретивший меня в вестибюле замка, видимо, также служил исключительно этой цели. В его задачу, несомненно, входило внушать всякому, вступающему сюда, чувство собственной неполноценности. Никогда прежде я не встречал человека, столь преисполненного достоинства и торжественной серьезности. Неподвижное лицо с несколько припухшими веками выражало исключительную надменность и неколебимое спокойствие. Бакенбарды у него были, как у Филеаса Фогга из книги «Вокруг света в 80 дней».

Он приветствовал меня со сдержанной снисходительностью, поклонившись как положено, ни единым миллиметром ниже. Лицо — непроницаемая маска, ни одного движения в мою сторону — что ж, ему вполне удалось продемонстрировать всю степень неприязни, которую я у него вызвал.

Бросив оценивающий взгляд на меня, он, видимо, пришел к выводу, что особа моя ничем не примечательна.

В Лондоне специально для этой поездки я раздобыл новую костюмную пару. Костюм, по моим представлениям, был очень дорогой и элегантный. Теперь же мне стало очевидно — что-то не так. То ли ваты в плечах мало (а может быть, много?), то ли пуговицы не такие... Как бы там ни было, ясно одно — не все в порядке, и это меня сильно смущало.

Я назвал свою фамилию и что-то еще пробормотал. Дескать, тот художник, которого...

— Вас ждут, сэр,— произнес он убийственно холодно.— Слуга проводит в вашу комнату. Когда будете готовы, с вами будет говорить Его Превосходительство.

Он сделал легкое движение, понятое слугой как приказание взять мой чемодан и быстро увлечь за собой вверх по широкой пологой лестнице. Мне понадобилось всего несколько часов в Даверил Холе, чтобы убедиться — человек, встретивший меня в вестибюле замка,— главная персона в доме. Это был дворецкий. Он вполне соответствовал моему представлению об английском дворецком. Именно так должен выглядеть он, и не иначе.

Почти все достопримечательности, которые я повидал в мире, в какой-то степени разочаровали меня. Они никогда не соответствовали представлениям, которые сложились у меня о них заранее. Собор Петра на близком расстоянии не такой большой, как я ожидал. Эйфелева башня и небоскребы Нью-Йорка вовсе не так высоки. Все европейские памятники чуточку иные, чем я их воображал. А вот английский дворецкий не разочаровал. Именно такой, о котором я читал множество раз.

Как и следовало ожидать, звали его Джеймс. Иное имя было немыслимо. Никто в Даверил Холе не мог превзойти Джеймса в надменности. Ну, конечно, сам лорд Даверил весьма важен и величествен со своим моноклем и невозмутимым спокойствием. И все же... Я не знаю, сколько предков лорда Даверила жило до него в Даверил Холе, но мне стало известно, что предки Джеймса с незапамятных времен состояли в дворецких. Таким образом, собранность и почтенность Джеймса как бы венчали собой весь опыт предшествующих поколений.

— Джеймс покажет вам детскую комнату,— сказал в заключение беседы лорд Даверил.— Я надеюсь, работа вам удастся. Леди Даверил видела ваши картины в Лондоне и очень высоко отзывалась о них.

Когда я жил в Лондоне, однажды я получил заказ на декоративную роспись детской комнаты. Я нарисовал на стенах джунгли, где расхаживали слоны, жирафы, носороги. Это было увлекательно и доставило мне массу удовольствий. Вполне понятно, что мнения о моей работе разошлись. Нашлись педанты, которые утверждали, что звери эти не имеют никакого отношения к зоологии и вряд ли могут способствовать правильному представлению детей о животном мире. Но, к счастью, были и другие, которые судили по-иному. Среди них оказалась леди Даверил, что было крайне важно, так как она пользовалась всеобщим почтением и к ее мнению прислушивались.

Она долго смотрела на моих слонов через лорнет, время от времени высказывая похвалу. В заключение леди предложила мне приехать в Даверил Хол и сделать такую же роспись в детской комнате замка. Отец леди Даверил в свое время охотился на диких зверей в Африке, и она надеялась, что нарисованные мною животные вдохновят ее маленьких сыновей пойти по стопам своего деда. Ежедневное лицезрение слонов, полагала она, пробудит у ее детей страстное желание истребить как можно больше экземпляров этого могучего вида.

Я, конечно, принял приглашение. Признание леди Даверил после того непонимания, с которым я, датский художник, столкнулся в Лондоне, было необычайно важным. И потому, как только стало возможно, я отправился в Даверил Хол.

Утром, когда я спустился из своей комнаты, первый, кто бросился в глаза, был Джеймс. Он стоял в холле и держал над камином круглую жесткую шляпу-котелок. Стоял неподвижно, с такой торжественной миной, словно совершал какой-то мистический религиозный обряд. Я не мог удержаться и спросил, что он делает. Не поворачивая головы, Джеймс ответил, что доводит до должной температуры шляпу Его Превосходительства.

Ежедневно, ровно в 10 утра, лорд Даверил отправляется на прогулку в парк. И ровно за пять минут до этого срока дворецкий доводит его шляпу у камина до той температуры, которая приемлема для столь почтенной головы.

В доме всё под неусыпным надзором Джеймса. Во время трапезы он неподвижно стоял у двери, пристально обозревая стол. Едва заметным движением головы дирижировал он прислуживающими лакеями. Судя по величаво снисходительному выражению его лица, было ясно, что меня он относит к разряду тех субъектов, которые у себя на родине, возможно, и справятся с гарпуном и копьем, но в обществе цивилизованных людей не имели чести пользоваться ножом и вилкой.

В доме гостили многие: видимо, знатные друзья и родственники. За столом — оживленная беседа...

Лорд был так любезен, что завел разговор о Швеции, столицей которой, по его представлению, являлся мой родной город Копенгаген. А сосед слева, седобородый полковник, с интересом расспрашивал меня о викингах и никак не мог поверить, что мои соотечественники больше не занимаются морскими набегами.

Всякий раз, когда я что-нибудь говорил, у меня было ощущение, что Джеймс пристально следит за мной и в душе порицает за то, что человек моего круга отваживается подать свой грубый голос в столь изысканном окружении.

Дама, интересующаяся литературой, по-видимому, герцогиня или что-то в этом роде, была необычайно любезна со мной.

— О, да, искусство!— воскликнула она.— Что такое искусство?

Все многозначительно закивали, восхищенно глядя на нее. И уж, конечно, это в мою честь дама завела разговор о датском писателе... Хенре Ипсене.

— Вы знаете Ипсена, не так ли? — обратилась она к лорду Даверилу.

Его Превосходительство глубокомысленно кивнул головой.

— Припоминаю, припоминаю: это тот, кто сочинил какую-то музыку...— сказал он.

При таких обстоятельствах я посчитал себя обязанным поддержать литературный разговор и упомянул о Бернарде Шоу. В своей самоуверенности я не заметил той мертвящей тишины, которая наступила после того, как я произнес это имя. Говорил я увлеченно, не останавливаясь и не чуя неладного...

Наконец лорд наклонился ко мне и, глядя через монокль, веско сказал:

— Простите, вам, должно быть, неизвестно, что мистер Шоу... социалист.

Я заметил, как от этого слова повеяло ужасом на собравшееся общество.

Дворецкий задержал на мне взгляд, давая понять, что кто-кто, а он, Джеймс, давно раскусил, что я человек опасный, наверняка прячу бомбу в своем чемодане и прибыл в Даверил Хол не иначе как затем, чтобы все здесь взорвать, но что он, Джеймс, не даст осуществить столь коварные планы...

Работа моя подвигалась. На стенах детской комнаты выросли слоны. Один слуга держал ящик с красками, другой поддерживал лестницу. Оба важные и торжественно серьезные, они по сравнению с Джеймсом были всего лишь его бледными тенями. Джеймс появлялся время от времени и с тактичным презрением рассматривал слонов. Он сам походил на великолепного белого дрессированного слона, из тех, кто торжественно шествует впереди короля Сиама.

Как-то лорд Даверил любезно предложил мне посмотреть свое собрание картин.

— Если вы интересуетесь, я с удовольствием проведу вас по замку. У меня есть карти-

ДВОРЕЦК

ны несколько иного свойства, чем те, которые нынешние молодые художники считают искусством. Я полагаю, что картина должна походить на то, что она изображает. Например, взгляните на ту лошадь — это действительно лошадь, она похожа на настоящую, а вовсе не голубая, как я однажды видел на выставке так называемого современного искусства.— И лорд Даверил стал подробно разъяснять особенности лошадиных пород.

В собрании лорда было множество картин с изображением лошадей. Лошади покорные — их ласково похлопывают прекрасные дамы, или горячие, галопирующие со всадниками в красных фраках. Маленькие пони, на которых восседают чистенькие златокудрые дети.

Медленно подвигались мы по огромной галерее, и при виде новой картины с лошадью я бормотал какие-то слова похвалы.

Мы уже подошли к длинному ряду потемневших портретов знатных прадедов Его Превосходительства, когда к нам подошел Джеймс. Он почти вплотную шагнул к лорду и выпалил ему в лицо:

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Лорд взглянул на своего дворецкого — он был ошеломлен.

— Англия ждет, что все слоны выполнят свой долг! — Джеймс обращался теперь прямо ко мне. Я заметил, что он сильно возбужден и совсем не походит сейчас на того корректного и невозмутимого дворецкого, каким я его знал. Джеймс был бледен, глаза его возбужденно горели. Неожиданно он схватил меня за лацкан пиджака и прокричал:

— Англия ждет, что все слоны выполнят свой долг! — Резко повернувшись, он гордо удалился.

— Кажется, выпил лишнее,— единственно, что нашелся сказать лорд по поводу этой выходки. После чего мы вновь продолжали осмотр потемневших портретов его предков.

Все это заняло много времени, и я изрядно устал. Слушая скучные, подробные объяснения лорда, я все время думал о Джеймсе.

Вдруг к нам приблизился слуга. В замешательстве, заикаясь, сказал:

— Милорд! Джеймс... видите ли... Джеймс сошел с ума.

— Ну,— произнес лорд Даверил.

— Он вошел в гостиную, угловую, где хранится старинный фарфор.

— Ну,— повторил лорд Даверил.

— Он бьет фарфор.

— Ну.

— Он прихватил с собой шесть бутылок виски.

— Мое виски?

— Да, лучшее виски Вашего Превосходительства. Мы боимся войти туда. У него револьвер.

— Заряженный?

— Да, милорд. И он все время стреляет.

— Ну.

Это было единственным ответом лорда на поразительное сообщение.

Слуга стоял в ожидании, но, поскольку ничего больше не было сказано, он сам решился задать вопрос:

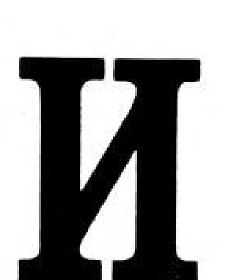
— ...Что прикажете, ваша светлость, предпринять?

— Вызвать полицию!

Когда слуга ушел, лорд Даверил сказал:

— Очень, очень прискорбно! Да, я нахожу все это очень прискорбным.

И больше ни единого слова. Казалось, все молчаливо порешили не упоминать о случившемся, делая вид, что ничего не произошло. Было бы крайне нетактично задавать вопросы или как-либо намекнуть на то, что достопочтенный дворецкий Даверила буйствует с револьвером и бутылками виски среди ценных коллекций фарфора.

А Джеймс действительно буйствовал. Из угловой гостиной то и дело доносились выстрелы, грохот и дребезг посуды, а там ведь хранился весь старинный фарфор, исключительно редкие и неповторимые сервизы.

Судя по грохоту и треску, Джеймс ни в чем себя не ограничивал. Сомнений не было, он впал в безумие. Так порой без видимой причины послушный, дрессированный слон впадает в безумие, становится диким и необузданным.

Вдруг прорвалось недовольство, глушимое в течение многих лет. Это была реакция против многовековой дрессировки и лакейства. Должно быть, глубоко внутри под внешней

корректностью и послушанием сохранилась малая толика человечности, которая сейчас под воздействием многих бутылок виски решительно и бурно заявила о себе.

В первый раз я почувствовал симпатию к Джеймсу. Оказывается, это удивительное создание было человеком.

Из ближайшей округи прибыло двое полицейских. Два высоченных бобби, похожих с виду на всех английских полицейских.

Им объяснили ситуацию, они понимающе закивали, словно происшедшее было самым обычным, заурядным делом.

— Он стреляет, все время палит из револьвера.

— Да,— молвили полицейские,— стреляет, значит.

А тем временем, закрывшись в гостиной, Джеймс неистовствовал, он бил, ломал, стрелял.

— Туда нельзя войти,— сказал один из полицейских.

— Никак нет,— заявил второй,— нельзя. Нужно переждать, когда он выдохнется.

И они оба уселись на диване у входа и стали преспокойно ждать, чем все это кончится. К следующему утру полицейские все еще продолжали сидеть, вперив глаза в пространство.

Кроме шума и треска, постоянно несущегося из гостиной с фарфором, все остальное в доме шло своим размеренным порядком.

Ровно в 10 часов лорд отправился на обычную утреннюю прогулку по парку. За пять минут до этого другой слуга в вестибюле доводил у камина до должной температуры шляпу Его Превосходительства. Конечно, он не мог это сделать так хорошо, как Джеймс, но он изо всех сил старался подражать ему.

Весь день прошел без изменений. Казалось, все совершенно забыли о существовании Джеймса. Но к утру обитатели дома проснулись от ужасающего грохота. Словно сотни собранных вместе тарелок были расколочены разом.

Спустя несколько мгновений все повторилось. Из спален выглядывали перепуганные лица. Появилась леди Даверил в комнатных туфлях, она была раздражена и сердита. Лорд в ночном изящном шелковом колпаке, устало поглядев в монокль, с упреком спросил:

— А это еще что такое?

— У него проходит хмель,— ответил один из полицейских.

— Теперь он наводит порядок,— заявил другой.

Полицейские оказались правы. На сей раз Джеймс сознательно сгреб все осколки и черепки и сбросил через окно. Он действительно трезвел.

Все облегченно отправились спать. В Даверил Холе восстановился порядок.

На следующее утро два флегматичных полицейских исчезли. В 9.55 Джеймс стоял в вестибюле и согревал перед камином шляпу Его Превосходительства. Важный и невозмутимый, он стоял здесь, словно никогда в жизни не был причастен к какому-либо беспорядку. Его неподвижное лицо вновь обрело привычную надменность. На меня он смотрел с привычным неодобрением.

Когда часы пробили десять, лорд Даверил принял от Джеймса доведенную до должной температуры шляпу и отправился в привычную прогулку по парку. Порядок был восстановлен.

Никто не говорил о происшедшем. Лорд и виду не подал, что собирается коснуться этого щекотливого эпизода. О таких вещах не говорят — и все.

Несколько дней спустя я покидал Даверил Хол, оставив своих слонов на стене детской комнаты для поощрения маленьких лордов, которые однажды, став великими охотниками, прославят старую Англию.

Прощальный кивок Джеймса был сдержан и холоден, он со всей выразительностью говорил о глубоком презрении дворецкого ко мне. Но я испытывал симпатию к Джеймсу. Я уверен, что он теперь сам сознавал, что, несмотря на все, был человеком тогда, когда с револьвером и с бутылкой виски расколотил вдребезги фамильный фарфор Даверил Хола.

Перевела с датского В. Морозова.

ПОЕДИ

ОБ ОДНОМ СПЕКТАКЛЕ НАРОДНОГО ТЕАТРА

Р. СОВЕТОВ

Подмосковный городок, раскинувшийся вокруг завода-гиганта... В вечернем сумраке сквозь ветви парка издалека видна яркая неоновая вывеска: «Гастроном». А фасад большого здания Дома культуры освещен тускло. С трудом можно прочитать афишу «Тематический вечер «Пьянству — бой». Выступление начальника отделения милиции. Консультация врача. Спектакль народного театра «Амнистия». Вход свободный».

Афиша, пожалуй, не слишком завлекательная. Но я приехал сюда именно ради спектакля «Амнистия». Мне довелось видеть его в Москве. Тогда Коломенский народный театр тепловозостроителей играл в маленьком зале, где немногими зрителями были режиссеры любительских коллективов, собравшиеся для обмена опытом. Спектакль хвалили, хотя один сверхвзыскательный критик долго и обстоятельно бранил театр за обращение к слабой драматургии... Мне захотелось проверить свои впечатления и увидеть, как принимают постановку обыкновенные зрители. Вот и представилась такая возможность: коломенцы играют выездной спектакль в соседнем городе.

Прохожу за кулисы Дома культуры. Здесь спокойная, деловая атмосфера: давно установлены декорации, проверены свет и звучание магнитной записи, переоделись и загримировались исполнители... Люди приехали из другого города после нелегкого трудового дня, но никто не опоздал, никакой суеты, неразберихи, взвинченности, свойственных любительским выступлениям... Да, это действительно театр хорошо слаженный, где каждый знает свое дело и относится к нему серьезно и ответственно. Вот почему спектакли проходят без «накладок». Актеры и сейчас готовы начать спектакль, но... по ту сторону занавеса все обстоит совсем иначе. Уже семь часов, а зрителей катастрофически мало, похоже, что вечер не состоится. Работники Дома культуры успокаивают: «Мы разослали приглашения. Народ постепенно подойдет!» Действительно подходят. Понемногу... Не спеша... Видно, знают: всякое мероприятие клуб начинает с опозданием.

В половине восьмого часть партера заполнилась. Зрители — школьники-старшеклассники, рабочая молодежь. В зале шумно и холодно. Все в пальто: ведь обычно здесь «крутят» фильмы, а в кино раздеваться не принято, и поэтому зал не отапливается. Еще и еще минуты томительного ожидания, и наконец перед занавесом появляются работник милиции и врач...

Надо отдать должное капитану милиции... Он сразу определил состав аудитории, и его выступление было точно адресовано молодежи. С горечью говорил он о зверском преступлении, совершенном пьяными подростками, но, увы, горячее, доходчивое слово в его речи слишком часто сменялось начальственными интонациями. Медленно и невидимо между сценой и залом вырастала стена отчужденности.

Юношескому возрасту свойственна обостренная жажда самоутверждения: молодой человек стремится отстоять суверенитет своей личности и на слишком настойчивые поучения отвечает скептическим прищуром и грубоватым фрондерством. Нашлись такие и на этот раз. Прочитав на афише «Пьянству — бой», они решили принять вызов и явились на вечер в подпитии. Впрочем, их довольно быстро и тихо убрали. Труднее было с теми, кто сидел в зале относительно спокойно и даже слушал докладчика. Пожалуй, только иронические смешки да разговоры вполголоса на посторонние темы свидетельствовали об отсутствии контакта между выступающими и залом. Юноши и девушки как-то не принимали близко к сердцу то, что им говорили. И, пожалуй, их можно было понять, моих соседей: в семнадцать лет хочется думать не о тюрьме и больнице, а совсем об иных вещах...

Но вот столик президиума убран со сцены, уехали работники милиции, поддерживавшие в зале относительную тишину; сейчас с опозданием на полтора часа начнется спектакль. И невольно думаешь, что в этот вечер сделано все, чтобы испортить встречу зрителей с актерами.

Согласитесь: театр — это всегда праздник, где все готовит вас к чуткому восприятию произведения искусства.

Но не было и намека на праздничное настроение в холодном полупустом зале ДК. Сказали пареньку на работе либо в школе: «Сегодня важное мероприятие. Надо пойти!» Либо же сам он завернул в Дом культуры от нечего делать. После бесед милиционера и врача он ждет, что перед ним сейчас разыграют в лицах еще одну лекцию о вреде алкоголя: вечер-то тематический. И задерживает его лишь любопытство: мол, посмотрим, на что они способны, эти ребята из народного театра.

Трудно, очень трудно выходить на сцену, когда зал настроен вот так холодно и скептически, когда зрители заранее прикидывают, далеко ли до выходных дверей...

Но вот занавес раскрывается, и в зал обрушивается поток ярких праздничных красок, веселой, бодрой музыки, забавной суеты. На сцену выносят смешные лозунги: кто-то комично репетирует предстоящее торжество — парад продукции фабрики детских игрушек. Зрители чуточку оттаивают, догадываясь, что им покажут не прописную мораль, а легкий и веселый спектакль.

На сцене появляется девушка в модном костюме. Мини-юбочка на ней заметно короче, чем это у нас принято. Молодые люди в зале немедленно издают звуки, напоминающие конское ржание... Конечно, они не против коротких юбок. Просто ведут себя как на улице и не упускают возможность прицепиться к девушке, бросить обидное словечко. Именно так же ведет себя и на сцене весьма энергичная и деловая дама в кабинете директора фабрики. Она гневно упрекает девушку за ее вызывающий наряд: когда, мол, главный художник фабрики входит в цех в такой юбчонке, все мужчины от 17 до 77 прекращают работу! Зрители хохочут, они, кажется, не понимают, что сейчас получили первый, пока еще легкий щелчок по носу: ведь их ржание ничем не лучше ханжества и демагогии весьма неприятной дамы... Но директор-то, оказывается, не намерен регламентировать длину юбок,— пусть каждый носит то, что нравится, а ему хватает других забот: фабрика должна была получить переходящее знамя, но один рабочий попал под суд за хулиганство, а с таким пятном знамени не видать!

Энергичная дама быстро находит выход из положения: уголовное дело, предлагает она директору, надо замять, парня взять на поруки и перевоспитать, тогда позорное пятно обернется заслугой коллектива и руководства. Нет, отвечает директор, совесть не позво-

НОК

лит ему идти на такие махинации... Тогда деловая дама решает, что сумеет все устроить сама. Только не надо ей мешать! Пусть все видят, как она энергична, как болеет за интересы коллектива, и пусть чувствуют, что директору с его принципиальностью пора бы уже на пенсию, а она и на посту директора не растеряется... Под напором демагогии наш симпатичный директор делает уступку, которая дорого будет стоить ему!.. Впрочем, мы пока не знаем, чего она будет ему стоить, пока мы присутствуем на товарищеском суде, где разбирается дело Соловейчика, хулигана и пьяницы.

Еще одно заседание на сцене! Мои соседи-зрители фыркают. А я думаю, как умно поступил театр, поручив роль Соловейчика актеру, данные которого соответствуют старому амплуа героя-любовника. Ведь появись сейчас, как сказано у автора, «огромный детина», остриженный под «ноль», и потянулись бы к выходу наши молодые зрители, чтобы успеть в гастроном за бутылкой красненького. Но на сцену вышел не верзила с физиономией, свидетельствующей, что под бритым черепом у него не более полутора извилин. Нет, вышел вполне приятный парень: неглупое лицо, хорошая фигура, модная прическа... Это неожиданно обостряет интерес, более того,— у молодых зрителей появляется сочувствие к подсудимому: по манерам и внешности он близок им, свойский парень. А что такого он сделал? Выпил? Перепутал спьяну дом — думал, к себе звонит, оказалось, в чужую квартиру... Обозлился и топором высадил дверь, перепугал старичка-пенсионера, детишек!.. Нехорошо, конечно, но что с пьяного спросить! И ведь смешно у него все это получилось. Еще избил на пляже девушку... Тоже скверно, но пьян был, себя не помнил, и за это сразу в тюрьму, под суд! «Товарищеский суд», которым дирижирует деловая дама, не осуждает, а выгораживает, защищает хулигана!

Соловейчик, поначалу растерянный и подавленный, не сразу понимает, что «судьи» прямо в руки сунули шпаргалку: хитрую ложь, придуманную деловой дамой. Оказывается, виноват сам пенсионер! Рассердил пьяного. Виновата и девушка: она была на пляже в одном купальнике и тем самым соблазняла хулигана... Неглуп Соловейчик и уже сообразил, что нападение — лучший вид защиты: в голосе его уже звучат прокурорские интонации!..

Комический эффект неожиданной и столь наглой лжи срабатывает безотказно: в зале не умолкает смех, в нем легко уловить одобрение тому, как ловко увертывается от «жалобщиков» Соловейчик.

Потерпевших вызвали на суд: это старый интеллигентный человек, вероятно, бывший учитель или врач, и молоденькая, красивая девушка, не просто хорошенькая, а удивительно чистая и гордая в своей красоте...

Деловая дама позаботилась, чтобы на суде не оказалось рабочих из цеха Соловейчика: уж они-то не допустили бы амнистии отпетому хулигану! Зато здесь трое его дружков-собутыльников... Кажется, что эта троица поднялась на сцену прямо из зрительного зала: так совпадает с настроением некоторых зрителей их сочувствие подсудимому и злые, грубые насмешки над потерпевшими. Старика интеллигента довели до того, что он готов принести хулигану извинения; девушку больно обидели грязными намеками. Соловейчик оправдан. Радуются его дружки. Празднует победу деловая дама. И хотя в зале словно бы по инерции еще звучит смех, но приходит и горькое отрезвление. Только что у нас на глазах и как бы даже при нашем «соучастии» восторжествовали ложь и подлый обман. Мало того, здесь унизили Старость, оскорбили Красоту. Да, зрительское бездумное сочувствие пьянице и хулигану именно и обернулось нравственным соучастием.

Разумеется, сидящие в зале так не формулируют неожиданно для них создавшуюся ситуацию: произведение искусства многозначно, и у каждого оно рождает свои выводы и оценки. Но в том-то и сила искусства, в том его преимущество перед рациональной убедительной силой доклада, лекции, что свои выводы и оценки зритель сделает сам. Оставаясь в зале, он соучаствует в происходящем на сцене, сопереживает героям... Иначе не хохотал бы во все горло, а сидел бы холодный и равнодушный.

Смех — сильная, яркая эмоция. А впечатления, мысли, если они эмоционально насыщены, глубже западают в душу. Да еще вступает в действие немаловажный фактор коллективности восприятия. Обнаруживается, что и сосед справа, и сосед слева, и весь зал реагируют так же, как и я: значит, мои личные оценки и чувства не расходятся с тем, что думают и чувствуют все. Ощущение единодушия, единомыслия объединяет случайно оказавшихся рядом людей и умножает силу эмоций каждого...

Кто из них вспомнит сейчас, что он на «тематическом вечере»? Им не хочется думать даже о том, что на сцене — спектакль, актеры. Нет, там правда, там сама жизнь, там борьба,— острое столкновение, и я участвую в нем, одни мне здесь нравятся, другие нет. Я ошибся, посочувствовав подлости. Тем сильнее я буду ненавидеть негодяя, тем острее желать справедливого возмездия...

А Соловейчик, взятый на поруки для перевоспитания, совсем обнаглел, теперь он требует «выгодной» работы, бесплатной путевки на курорт. Дабы умиротворить наглеца, деловая дама и послушные ей фабкомовские деятели целой делегацией, да еще с бутылочкой коньяка, идут на квартиру к Соловейчику — поздравить с днем рождения, преподносят ему путевку... Здесь, у себя дома, Соловейчик раскрывается уже во всем блеске! На нем сверхмодная рубашка из переливающейся ткани, с манжетами в виде рюшек, расклешенные брюки, танцующая походка, чуть извивающаяся фигура, костюм и манеры — все по «стандарту» западных эстрадных певцов... Конечно, тут магнитофон с записями модных танцев. И стена, заклеенная обнаженными красотками, под столом ящики столичной и шампанского — предусмотрительно сделанный запас. А все на свои «заработанные». Стоит вечером пройтись по новостройкам, слесарь-самородок — он все может за хороший калым!...

Разомлела подвыпившая делегация. А наш самородок, как разгулявшийся купчик, требует стриптиза от одной из участниц «делегации». И среди пьяного шума беззащитно рыдает еще одна оскорбленная девушка...

Смотрю не на сцену, а на зрителей. Может быть, кому-то из молодежи эта «сладкая жизнь» кажется соблазнительной? Нет! Судя по лицам молодых парней, можно поручиться, что у них сейчас здорово чешутся кулаки!.. И потому зал уже восторженно встречает звонкую оплеуху, полученную Соловейчиком от главной художницы фабрики Изабеллы Дрозд. Затаив дыхание, зал слушает короткую исповедь девушки, чей жених — увы, не борец за правду — уговаривает Изабеллу уйти с фабрики, где она безуспешно сражается с корыстным делячеством одних и равнодушием других... Героиня вспоминает свое детство. В трудные послевоенные годы ребятишки сами делали себе в детском доме кукол из тряпочек и щепочек. Но была одна настоящая — одна на весь детский дом... Существовала строгая очередь, чтобы поиграть этой куклой. Однажды маленькая девочка попросила уступить ей очередь, а Изабелла отказала: ведь она сама так долго ждала. «А ночью Фрося умерла. Что-то с сердцем»... Вот почему героиня ни за что не уйдет с фабрики игрушек! Она не произносит таких слов, как «призвание», «долг»! Но звенящая тишина в зале — верный залог того, что зрители сердцем почувствовали высокую эмоциональную суть этих понятий.

Рассказ тоненькой, хрупкой девушки мои соседи слушают с окаменевшими от напряжения лицами. А ведь это они всего полчаса назад хамили по поводу слишком короткой юбочки Изабеллы Дрозд.

В остром поединке между сценой и залом народный театр одержал полную победу.

Но и другая «сторона» вовсе не потерпела поражения. Зритель подчинился силе искусства, отдал себя целиком его восприятию, и в этом для него, зрителя, тоже победа! Это победа глубоко человеческих, благородных чувств над шелухой юношеской бравады, над кривляниями моды, над чуждыми, наносными представлениями о «красивой жизни»...

Когда на место умершего директора назначили Изабеллу Дрозд, она быстро скрутила хулигана: на компромисс с ним она не пойдет, не уволит Соловейчика «по собственному желанию». И все рабочие цеха поставили подписи под требованием отдать Соловейчика под суд. Амнистии не будет!

Народный театр счел возможным чуточку поправить драматурга и нашел, как нам кажется, точный, выразительный финал, подчеркивающий жанровое и стилистическое единство спектакля. Актриса в роли Божешутковой, энергичной деловой дамы, дает возможность увидеть другую сторону созданного ею яркого сатирического образа. Мы вдруг увидели пожилую женщину с несчастливой судьбой. Мы согласны с Изабеллой, которая пожалела «даму», оставила работать на фабрике. Но вот Божешуткова, утерев слезы, выходит из кабинета Изабеллы — нового директора, тут оказывается, что переживания ее хоть искренни, да не глубоки: уже прикидывает она перед зеркалом, как будет на ней выглядеть мини-юбка!.. И последний раскат хохота в зале переходит в дружные аплодисменты.

Можно смело сказать, и притом не делая никаких скидок на самодеятельность: хороший, очень хороший спектакль!

Впрочем, по отношению к народному театру коломенских тепловозостроителей скидка просто неуместна! Судите сами: четверо из исполнителей имеют 50-летний опыт выступлений на любительской сцене. А. В. Раевская, О. В. Бурмистрова, В. В. Немов — ныне пенсионеры, И. Н. Бурмистров продолжает работать на заводе мастером сборки.

Одиннадцать лет существует народный театр, и все эти годы активно работает в нем педагог Ю. В. Шафранская, игравшая в спектакле Божешуткову, Г. Н. Абросимов — сначала рабочий завода, а ныне инженер — руководитель группы заводского вычислительного центра, игравший Соловейчика... Достаточный сценический опыт чувствуется и у исполнителей других ролей. Это Н. А. Зубкова (директор), диспетчер завода В. С. Кошелева (председатель фабкома), молодой педагог Н. П. Пронкина, создавшая обаятельный образ Изабеллы Дрозд. Даже неудобно говорить по отношению к этим актерам народного театра, что они, мол, играют профессионально грамотно. Хочется говорить о другом. О творческой оригинальности, о самостоятельности художественного мышления, об умении перелить свой жизненный опыт в произведение искусства... О том, как удачно найдена достоверность гротесково-комедийных образов.

В спектакле почти нет фальшивых моментов, «пережимов», нет ни капли дурного вкуса. И, что самое, пожалуй, важное: любительский коллектив и его руководитель, режиссер А. С. Лавут, выбрали пьесу белорусского драматурга Н. Матуковского — совсем еще новую, нигде не шедшую. И нашли для нее интересное, убедительное решение.

Ныне эта пьеса поставлена уже во многих профессиональных театрах, любопытно, что в ряде рецензий на эти постановки звучит один и тот же упрек: критики отмечают, что режиссуре не удалось найти цельного решения спектакля, в результате чего комедийные, сатирические эпизоды диссонируют с моментами остродраматическими... Нам же кажется, что Н. Матуковский написал произведение оригинальное, художественно цельное, хотя спору нет, его пьеса — трудный орешек для режиссера! Но ведь удалось Коломенскому народному театру создать публицистически острый, высокохудожественный спектакль, пробуждающий в душах чувства истинно благородные.

КАЖДЫЙ СПЕКТАКЛЬ — ДЕБЮТ

Народному артисту СССР М. Н. Прудкину исполнилось 75 лет. Готовясь к встрече с ним, наш корреспондент предполагал, что разговор пойдет о творческих итогах. Но ошибся. «То, что можно охарактеризовать как итог, перестает быть интересным для меня,— сказал артист.— Давайте лучше поговорим о дебютах!»

Так и шла беседа с одним из старейших мхатовцев.

Начну с моего первого дебюта. Я тогда жил в Клину, учился в реальном училище. Было мне лет шестнадцать... Один мой знакомый, артист театра «Кривое зеркало», сказал, что я могу принять участие в гастролях этого театра по Волге. «Отчего же не прокатиться»,— думаю. И согласился.

Приехали в Москву, идем в театр. Надеваю широкополую актерскую шляпу, смокинг с чужого плеча... До сих пор помню ощущение, как моя худая шея вылезает из жесткого воротничка. Повели меня показывать Кугелю, руководившему театром. Он посмотрел на меня и сказал: «Дадим дебют».

Дали мне маленькую комическую рольку в одноактной пьесе Л. Андреева. Комическую! А я-то считал себя прирожденным трагиком. Ну ладно, думаю, сыграю. Для них. И сыграл через четыре дня. Когда я закончил, Кугель подошел ко мне, сказал: «Комик!» — и предложил еще одну комическую рольку.

Получив это оскорбительное, с моей точки зрения, предложение, я тут же гордо удалился.

Во второй раз я дебютировал на вступительном экзамене во МХАТе в 1916 году. Мне оставалось еще два года учиться в реальном, когда один мой московский товарищ сказал: «Рискни, вдруг поступишь во МХАТ!» Я рискнул и был принят. И здесь мне стало страшно: а как же училище? Товарищ говорит: «Надо придумать какую-нибудь болезнь». Я придумал себе скарлатину и только в 1918 году, окончив училище, вернулся во МХАТ...

Третий мой дебют был сравнительно недавно, когда Пырьев пригласил меня сниматься в кино в роли Федора Павловича в «Карамазовых». Первые дни мне, театральному актеру, никогда до тех пор не снимавшемуся, было невероятно трудно! Только удастся обрести творческое самочувствие и стать этим самым Федором Павловичем, как вдруг голос Пырьева возвращает меня в реальный мир:

— Для кого играешь? Камера-то совсем в другом месте! Нарисуйте мелом линии на полу, пусть по ним ходит...

В фильме у меня есть сцена с Алешей. Я лежу на кровати и, разговаривая с ним, плачу. И только я заплакал — со слезами, по-настоящему,— оператор говорит:

— Объектив не в порядке.

Пырьев подлетает к нему:

— В порядке объектив!

— Нет, не в порядке!

Этот спор продолжался долго. А я лежу и с ужасом думаю: «Что делать? Перестану плакать, а вдруг неисправность устранят и можно будет сниматься... Кто знает, удастся ли снова заплакать?» Я плакал и плакал, пока режиссер спорил с оператором. Пырьев остался доволен:

— Вот, смотрите, как хорошо плачут в Художественном театре!

Но мне-то это стоило огромного напряжения, я почувствовал себя плохо и вынужден был прервать работу. Возможно, кинодебют мой так и не состоялся бы, если бы не Пырьев, который отличался необыкновенной чуткостью к актерам. Он убедил меня продолжить съемки, сделав это с удивительным тактом.

А во МХАТе я уже по-настоящему дебютировал, легко и свободно, в роли Шервинского («Дни Турбиных»).

Сейчас дебют с каждым годом приобретает все большее значение в судьбе молодого артиста. Критики, заметившие молодого исполнителя, часто своими выступлениями создают такой образ актера, который имеет лишь внешнее сходство с оригиналом. Этот образ принимают, к нему привыкают и публика и сам актер. И порою у молодого исполнителя рождается убеждение, что его искусство, дескать, «проверено на массах», и он оправдывает этим свою самоуспокоенность, боязнь новизны, доверяясь принесшей успех типажности.

Станиславский и Немирович-Данченко не давали нам возможности всю жизнь эксплуатировать какое-либо одно качество: это и было подлинным воспитанием. Актер все время был готов начать все сначала! Контрастные элементы, сочетаясь, рождали новые качества, обогащавшие артиста.

В биографии актера каждый день на сцене должен быть дебютным. Я вспоминаю свою последнюю встречу со Станиславским. Он был тяжело болен, когда мы пришли поздравить его с семидесятилетием. И вот настала моя очередь. Константин Сергеевич приподнялся на постели, налил шампанское. Мы подняли бокалы. Он пристально посмотрел на меня и спросил:

— Ну, как? Достигли в творчестве всего?.. Довольны?

Я не привык видеть Станиславского с бокалом в руке. А рука его дрожала от слабости...

— Нет, конечно. Не всего достиг!

— Ну, что ж! Значит, еще не все потеряно...

Станиславский сам постоянно работал, непрерывно совершенствовался и того же требовал от нас. Поэтому для меня до сих пор каждый спектакль — новая задача. И новый дебют.

ХУДОЖНИК В ПУТИ

Ник. КРУЖКОВ

Когда вы знакомитесь с Виктором Федоровичем Васиным, невольно возникает на вашем лице улыбка — так он приветлив, добродушен, благожелателен. У него крепкая фигура спортсмена, крутые плечи, чувствуется в нем изрядная сила. И хоть уже идет Васину шестой десяток, но никаких признаков утомленности вы в нем не заметите.

А художнику сила нужна: нелегок его труд. Попробуйте-ка отстоять целый день у мольберта в творческом напряжении.

Васин — рязанец, родился на хуторе около города Михайлова, но в жилах его кровь северян-землепроходцев. Он художник-непоседа, прирожденный путешественник. Средняя Азия, дальневосточные берега и угрюмые скалы Мурмана, лучезарный Севастополь, грозные Саяны и янтарная Балтика — всюду побывал художник. И как велика география его творчества, так многообразен и характер его живописных работ. В мастерской живописца на Верхней Масловке вы увидите и портреты, и пейзажи, и натюрморты, и жанровые сюжеты.

Виктор Васин окончил Московский институт прикладного и декоративного искусства, был учеником таких мастеров, как Владимир Фаворский, Александр Дейнека. В его работах до сих пор еще нет-нет да и заметишь лирические интонации Сергея Герасимова или мужественную строгость линий Дейнеки, но все это переработано на особый манер. Васина не спутаешь с другими, у него свой почерк, и это очень важно! Художник пишет остро, беспокойно, умело пользуясь резкими сочетаниями цвета. Его живопись волнует, она эмоциональна, как эмоционален сам автор, умеющий передать нам свой душевный настрой. Радует его умение строить композицию. Неожиданность в сочетании предметов является сильной стороной его искусства. Его влечет поиск декоративного синтеза. Этот художник отчетливо понимает роль ритмических и линейных повторов, организующих пространство, связывающих человека с интерьером или пейзажем за окном.

Пятьдесят три года не такой возраст, чтобы можно было остановиться и сказать: я сделал все, что мог. И у картин Васина понимаешь, что мастер — в движении.

Мы сидим в мастерской художника на десятом этаже, за окном шумит надоевший дождь, по небу бредут друг за другом сердитые облака, а в просторной комнате вспыхивают яркие краски полотен — Васин показывает свои работы. Портрет дочери — синий, цветастый платок, строгое лицо, горячие глаза. Ростов Великий (у художника много работ, посвященных этому древнему городу) — на фоне многоглавого великолепия кремля стоит покосившийся от старости деревянный домишко, и это соединение нетленной красоты и умирающей ветхости вызывает в сердце щемящую грусть. Живописец особенно зорок и чуток к красоте русской земли. Русские зимы в своей серебряной прелести предстают на его полотнах. Старинные церковки Суздаля, овеянные поэтической дымкой, угрюмые скалы Севера, рабочие поселки, рыбачьи затоны... И любой из этих пейзажей почти всегда связан с трудом человека, не отрешен от него, и это придает им особую жизненность.

Художник любит спорт, «болеет» на стадионах и умеет на своих полотнах изображать людей сильных и мужественных. После окончания института Виктор Васин работал восемь лет ассистентом Александра Дейнеки. Их содружество было прекрасным и очень много дало молодому мастеру.

Васину присущ особый, сочный почерк. Его пейзажи окутаны прозрачной, светлой дымкой, цветовые комбинации неожиданны, колорит полотен свидетельствует о своеобразном зрении художника. Недавно в Москве проходила персональная выставка Виктора Федоровича Васина. Она пользовалась у москвичей большим успехом.

Вот несколько репродукций с картин, экспонировавшихся на выставке.

«Уборка табака» — живописная сцена, навеянная среднеазиатскими впечатлениями. Спокойно и медлительно работают женщины, подготовляя связки табака к сушке. Просторны и по-восточному ярки одежды крестьянок... Лица их смуглы, движения плавны. Живописец не стремится к точному изображению деталей, но вы чувствуете горячее дыхание воздуха, прогретого солнцем, ощущаете напряженность труда. И тут же художник переносит вас в глубину России, к стенам своего любимого Ростова Великого. Он назвал картину «Серый день», и название это полно смысла: даже в пасмурных тонах сказочно красив Ростовский кремль, творение старинных мастеров камня.

«Натюрморт с цветком» являет собой декоративный синтез, столь любимый художником. Неожиданно сопоставление цветка, глиняных игрушек, брошенной на стол книги. Неподвижность предметов резко контрастирует с кипучей жизнью за окном, где протянулась рука железного крана и работают люди, строят и создают. «Жизнь там! — как бы восклицает художник.— Но и одинокий цветок прекрасен: он украшение жизни».

«На взморье» — картина нежная, лиричная, кажется, что воздух наплывает теплыми волнами и пахнет морскими водорослями и просоленным канатом. Рыбаки собираются на промысел. Вокруг разлит жаркий покой, тишина.

Виктор Васин всегда находится в поисках прекрасного. Знакомство с его искусством всегда интересно. Иногда хочется спорить с автором, иногда он сразу же покоряет вас. Но равнодушным его искусство вас не оставит. А это — главное.

В. Васин. УБОРКА ТАБАКА.
РОСТОВ. СЕРЫЙ ДЕНЬ.

В. Васин. НА ВЗМОРЬЕ.

НАТЮРМОРТ С ЦВЕТКОМ.

П. ЗУБОВ, Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

На вокзале все было так, как предупредил Тарас. Они сидели в кафе. В таком заведении, как это, Захар еще никогда в жизни не бывал. Шла война, лилась кровь, убивали, расстреливали, бомбили, рушились дома, умирали люди, а здесь — кофе с коньяком, джаз, полуголые девушки...

Ночь Захар провел в гостинице, а на рассвете «Владимир Михайлович» повез его за город. Они остановились у железных ворот, за которыми угадывалась казарма. Часовой взглянул на номер машины, козырнул и, не спросив никаких документов, пропустил «Оппель» во двор.

Захара водили из одного кабинета в другой. Проверяли зрение, слух. Потом привели в комнату, стены которой были облицованы мраморными плитами. Все тут поражало сверкающей белизной, как в операционной. У большого окна — письменный стол и стул, посредине комнаты — массивное, необычной формы кресло. Зубной кабинет? Нет, не похоже. И кто эти двое: грузный, с медленными движениями и деланной улыбкой человек лет под пятьдесят, а за ним — молодой, подвижный, полный готовности выполнить приказ старшего...

Захару предложили снять рубашку и усадили в кресло лицом к стене. На грудь и руки наложили металлические пластины. Молодой человек, видимо, ассистент, закрепил их бинтами. От пластин провода уходили к подлокотникам кресла. Что это — пытка электротоком? У Захара пересохло во рту, появилась тошнота.

— Сидите спокойно и не поворачивайте голову,— сказал ассистент и куда-то удалился.

За спиной у Захара — старший. Захар его не видит, но чувствует — там, сзади, что-то происходит. Что?.. Приказано головы не поворачивать!

Да, ему все ясно... Металлические пластины — это датчики, а где-то рядом, в другой комнате, осциллограф выдаст кривые реакций его организма — метод, о котором он слышал еще в институте. В институте?.. Не был ли это лишь сон? Да, и не было, пожалуй, никакого института. И он вовсе не врач. Кто же он? Захару стало дурно, захотелось позвать на помощь, не хватало воздуха. Нет, нет, надо держаться! А толстяк уже начал задавать вопросы, на которые он обязан отвечать лишь одним словом: «Да!», «Нет!», «Да!», «Нет!». Это продолжалось бесконечно долго. Вопросы как боксерские удары. Один за другим. Руки и ноги дрожали, комната, стол, стулья завертелись так, как бывает в момент острого спазма мозговых сосудов. В те доли секунды, когда он переводил дыхание, пытался о чем-то подумать, раздавалось резкое: «Быстрей, быстрей!».

Наконец ремни расстегнуты, и ему разрешено подняться с кресла. Однако сразу он не может этого сделать. Поднялся — и его закачало из стороны в сторону.

В соседней комнате немецкий офицер снял оттиски пальцев. Захар успел заметить, что оттиски эти легли на карту, к углу которой была приклеена его фотография. А под ней фамилия, имя, отчество и чуть ниже кличка: «Сократ». Офицер протянул карту Захару: «Теперь подпишите». Это было то же самое обязательство, которое он однажды уже подписывал.

После проверки Рубина как радиста и парашютиста — он продемонстрировал высокий класс прыжка, приземлившись точно в заданный круг,— его вновь отправили на конспиративную квартиру.

Здесь старшим был давнишний знакомый Захара, его «пациент» майор Квальман. Иногда наведывался сюда Брайткопф, изредка приезжал Зенерлих.

Однажды появился в их школе тип, о котором потом ходили легенды. Фамилия его была Артемов. Рассказывали, что до войны он был аспирантом одного из московских институтов, в сорок первом его призвали в армию. Бежал к немцам, и гестапо направило его в так называемую школу «восточного министерства».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37, 38.

Окончив ее, он стал преподавателем курсов, где готовились фашистские агенты-пропагандисты. «Дружок» Захара, слывший в их кругу осведомленным парнем, по секрету рассказал, что гестапо приставило Артемова к руководителям НТС — следить за ними, и что коекого из этих руководителей гестапо арестовало не без содействия Артемова. И уж совсем по строгому секрету сообщили Захару, что сей Артемов — гомосексуалист и в большой дружбе с видным деятелем НТС, работающим на немецкую контрразведку, Романовым. В Днепропетровске Романова должны были судить за гомосексуализм, и только война, приход гитлеровцев в этот город спасли его от суда. А на следующий день он пошел на службу в гестапо. Так началась карьера «спасителя» России...

Неведомо было тогда русскому доктору, курсанту фашистской школы разведчиков, что пройдут годы, и Артемов станет одним из главных идеологов НТС и одним из самых ловких мастеров фабрикации так называемых «писем от верных людей из СССР», за каждое из которых хозяева щедро платили ему; что через Романова, после войны, люди НТС станут поддерживать связь с разведкой, работавшей против СССР. Обо всем этом Захар Романович узнает лет через двадцать пять, а сейчас, на конспиративной квартире, он внимательно прислушивается к рассказу о русских «патриотах», помогающих Гитлеру завоевать Россию.

...Наконец теоретические и практические занятия были закончены, и Рубина вызвали для заключительной беседы с обер-лейтенантом Брайткопфом. Он учинил Сократу нечто вроде экзамена и, видимо, остался доволен. Брайткопф сразу перешел к делу — обсуждению плана нелегальной переброски Рубина в Москву.

План достаточно стандартен. Захар получает фиктивные документы, деньги, рацию и прочее необходимое в таких случаях снаряжение. Его сажают в специальный самолет и ночью на парашюте выбрасывают в лесном массиве, где-то между Москвой и Смоленском.

За время обучения в школе Захар уже много раз слышал, что точно в таком, хорошо отработанном варианте на его родную землю было заброшено немало гитлеровских агентов. Но как-то спьяну майор Квальман, продолжавший пользоваться услугами доктора,— печень-то все же пошаливала! — проговорился, что, увы, «предприятие» это — так он называл разведшколу — не очень-то рентабельно: не многие из тех, кого забросили на советскую территорию, оправдали деньги, истраченные на их подготовку. Иных сразу же схватили, другие сами явились с повинной. Командование весьма и весьма встревожено, грозит всякими карами в адрес Зенерлиха и Брайткопфа, требует изменения тактики действий, но, увы, конструктивных предложений пока не поступало. Вероятно, именно поэтому заявление Рубина выслушали с большим вниманием.

— Если господин обер-лейтенант даст мне день-два на обдумывание предстоящей операции, я мог бы попытаться внести некоторые поправки. Прошу прощения, но мне показалось, что предложенный план опасен прежде всего тем, что он стандартен. Нужно придумать что-то новое. Русские по своей натуре патриоты. Вам это хорошо известно, господин обер-лейтенант. Поверьте, это не пропаганда. Каждый житель прифронтового района всегда начеку.

Ему дали сутки на размышление.

На следующий день они вновь встретились в кабинете обер-лейтенанта. Там же находился и Курт Зенерлих. Он дружески похлопал доктора по плечу:

— Вы талантливый ученик. Мы вас будем внимательно слушать.

Захар изложил свой план, обдуманный в деталях уже давно, еще после той первой встречи с Брайткопфом и Зенерлихом, когда доктор понял, куда они метят.

...В госпиталь приходит приказ: в связи с резко возросшим числом раненых — тут Рубин не фантазировал, шла весна сорок третьего — откомандировать в прифронтовой госпиталь четырех пленных советских военврачей. Двое из четырех — Рубин и Воронцов.

— Когда мы окажемся на новом месте, недалеко от линии фронта, я должен буду уговорить своего друга Андрея Воронцова бежать вместе со мной. Я предложу ему хорошо разработанный план такого побега. А вы поможете нам, вы...

— Das ist unmöglich! — воскликнул Зенерлих, иногда переходивший с русского на немецкий.— Это не есть возможно!

— Вы,— продолжал Захар, не обращая внимания на разгневанного Зенерлиха,— дадите нам пропуска для свободного передвижения в прифронтовой полосе и вернете документы, которые были при мне, когда я попал в плен...

— Это есть...— Разгневанный Зенерлих сразу даже не нашел нужных слов.— Где мы вам их найдем, ваши документы?..

— Но они очень нужны. Сфабрикованный документ может вызвать подозрение...— невозмутимо продолжал Захар.

— И вы считаете, что ваш Воронцов согласится бежать? — спросил Зенерлих.

— Я уверен в этом. Русские патриоты — вы должны знать всю правду, господа,— всегда будут пытаться сбежать из плена. Даже если шансы на успех не более пяти процентов... Итак, считайте, что я договорился с Воронцовым и мы вместе с ним тайком ночью бежим из лагеря, к линии фронта, к своим. Нас преследуют, обстреливают, но... не убивают. Я кричу Воронцову: «Андрей! Давай врозь. Беги направо, а я — налево». Между тем вы будете продолжать преследовать беглецов. Но Воронцову удастся скрыться. И он убежит. Один... И пробьется к своим... А я... я вернусь к вам...

— Вы есть сумасброд, господин доктор. То есть бред больного человека. Вы представляете, что делает господин оберштурмфюрер с Зенерлихом, когда он узнает о запланированном побеге русского пленного?

— Терпение, господа. Я не кончил. Я не хочу обижать господина оберштурмфюрера, но иногда примитивный здравый смысл возмещает недостаток широкого взгляда на вещи... Андрей Воронцов при вашем попустительстве вернется к своим, а я вернусь к вам, чтобы полететь через два дня и приземлиться на парашюте в лесу, между Москвой и Смоленском. Без всяких фиктивных документов. Если на советской территории меня задержат как подозрительное лицо, я расскажу историю побега со своим другом Воронцовым. И скажу: «Найдите его и допросите. Он все подтвердит...»

Кажется, именно тогда Захар впервые приметил улыбку на лице господина Зенерлиха.

— Фантасмагория!.. Чудесно!.. Сколько времени требуется вам на подготовку операции?.. Считайте, что завтра утром вы снова будете в госпитале и увидите вашего друга.

— Два-три дня.

Зенерлих задумался, подошел к распахнутому окну.

— Попрошу вас на несколько минут оставить нас вдвоем.— Он кивнул в сторону обер-лейтенанта.— Вы предложили любопытный план. Мы должны посоветоваться...

— Да, да, конечно...— И Рубин вышел из комнаты.

Его позвали минут через десять и объявили, что план одобрен, но в течение двух-трех дней, которые он проведет в госпитале со своим другом Андреем Воронцовым, ему предстоит выполнить еще одно поручение командования.

— Пустяковое дело. В программе той школы, где вы обучались два месяца, предусматривалось важное занятие. Но не хватило времени. Мы восполним этот пробел там, в соседней деревне, где впервые познакомились с вами. Итак, до скорой встречи.

Утром Захар вернулся в госпиталь. «Легенда» о причине его столь долгого отсутствия была подготовлена заранее: отзывали в другой госпиталь, где заболел хирург. А днем рыжий ефрейтор снова повез Захара к «больному» в соседнюю деревню. На этот раз машина остановилась на окраине села, возле каменного двухэтажного дома с угловой сторожевой вышкой и изгородью из колючей проволоки. У ворот стояли часовые с овчарками. Захар не успел оглянуться, как его ввели в тускло озаренную светом маленького оконца комнату, где за столом сидел незнакомый ему немецкий офицер, толстый, как пивная бочка. Он мучительно выдавил нечто подобное улыбке и подчеркнуто любезно поздоровался.

— Как вам спалось, господин доктор? На нервы не жалуетесь? А я, увы, страдаю... Ночью мучают кошмары... Но кому-то надо и это делать... Допрашивать... Трудная, неблагодарная работа! Однако высокие идеалы моей нации требуют...

Он развел руками с толстыми, как сосиски, пальцами и стал объяснять, что сейчас будет проходить допрос партизана и ему, Рубину, надлежит при сем присутствовать и помогать переводчику. Захар вздрогнул, у него задергался уголок рта,— так вот оно, это последнее испытание!..

Вскоре в комнате появился обер-лейтенант Брайткопф. Полный радушия, словно перед ним лучший его друг, он протянул Захару руку и весело сказал:

— У вас такая кислая физиономия, господин доктор, будто вы глотнули фужер уксуса. Что с вами? А, догадываюсь! Волнение души русского интеллигента. Не так ли, мой друг? Напрасно... У нас сейчас нет хорошего переводчика, и я попросил господина Крюгера пригласить вас...

У этого негодяя было красивое лицо с кроткими синими глазами: один из бесчисленных парадоксов природы. Но теперь Захар впервые увидел Брайткопфа без маски — кровожадно-хищным.

Абвер готовил Рубина «всерьез и надолго». Для них он не был агентом «массового производства» из числа тех, которых после короткого инструктажа сотнями забрасывали в советский тыл. Сократ должен оставаться в игре даже в случае поражения (допускался и такой вариант: шла весна сорок третьего), даже лет через десять — пятнадцать. Но для этого одной «подписки» мало. Требуется узел, который надолго и накрепко свяжет агента с его шефами. Пусть в досье русского доктора сохранятся фотокадры: Захар стоит рядом с толстым Крюгером, подтянутым Брайткопфом, а перед ними избитый до полусмерти партизан.

«ПОБЕГ»

...Рубин негромко рассказывает о том мучительно тяжком последнем испытании, которому подвергли его в гестапо. И, может, это только показалось Бутову, но именно сейчас, когда речь пошла о допросе партизана, доктор стал говорить сбивчиво, суетливо:

— Потом, уже поздно вечером, меня отвезли в госпиталь. Я едва добрел до постели. Всю ночь одолевали страшные видения — морда толстого Крюгера, «кроткие» глаза Брайткопфа, окровавленное тело партизана, вспышки магния и щелчки фотокамеры...

Далее события развивались быстро. Четырех пленных советских военврачей отправили в прифронтовой госпиталь. Среди них — Рубин и Воронцов. Воронцов, как и следовало ожидать, сразу же согласился бежать вместе с другом. «Я готов на любой риск!» Захар сообщил разработанный им план побега. План, в частности, предусматривал и такой вариант: «Если с одним из нас случится что-то непредвиденное, другой продолжает побег один».

На очередной встрече с обер-лейтенантом Захар получил нужные документы, пропуска, дающие право свободного передвижения по занятой немцами территории, и подробнейшие инструкции, где и как переходить линию фронта. Кроме того, на бланках советского военного госпиталя было написано удостоверение, подтверждающее, что З. Р. Рубин, военврач Н-ского полевого госпиталя, следует в распоряжение Сануправления Советской Армии. Это уже для передвижения по советской территории. Передавая Воронцову пропуск, Рубин сказал: «Как видишь, Захар — человек слова. Обещал сработать документы и сработал. На, получай... Все в ажуре... Теперь нам с тобой, Андрюшка, только линию фронта пересечь, а там явимся в первый же войсковой штаб».

Воронцов, захлебываясь от восторга, обнял друга.

— Захар, ты гений! Как тебе удалось раздобыть документы?

Рубин ухмыльнулся.

— Мне это стоило пол-литра спирта. А о деталях поговорим потом...

...Стоял знойный июль. В воскресенье после обеда хлынул теплый, пронизанный солнечными лучами дождь. А когда дождь утих, они неторопливо, словно на прогулку, протопали до околицы — это была своеобразная «пристрелка». Пройдет еще восемь — десять часов, наступит ночь, и они убегут...

Кажется, никто не гнался за ними, никто не обращал внимания на них. Они перевели дух, присели, отдохнули и снова бегом.

Дорога круто спускалась к неширокой речушке, к хлипкому бревенчатому мостику, наспех сколоченному немцами. Когда приблизились к ничейной земле, друзья обрадованно обнялись. До густого леса оставался всего с километр пути. И вдруг — выстрелы! Захар припал к траве и глухо застонал. Андрей на мгновение обернулся, а потом побежал к лесу: таков святой уговор! Вдогонку немцы послали еще одну автоматную очередь, потом залаяли собаки. Но Андрей продолжал бежать — петляя, зигзагами. Захар, увидев, как он скрылся в темени леса, чуть приподнялся, оглянулся назад. Стрелявшие никак себя не обнаруживали. И лай собак прекратился. Кругом тихо.

Рубин полежал недолго, потом поднялся и той же дорогой, через речку, отправился назад. Гремел гром, хлестал теплый июльский ливень. Но Захар даже и не почувствовал, что вымок до нитки. Тяжело ступая, обессиленный, он шагал навстречу своим хозяевам. Перед глазами плыл парной туман, поднимавшийся от щедро напоенной, прогретой солнцем земли. В помутненном сознании то вспыхивали, то гасли мысли, чувства, ощущения. На какое-то мгновение в нем пробудилось желание сейчас же, немедленно повернуться и ринуться вслед за Андреем. Но только на мгновение. Он знал, что где-то кто-то следит за ним,— Брайткопф с группой офицеров абвера тоже прибыл сюда, в район расположения полевого госпиталя. И стоит Рубину сделать лишь несколько шагов к линии фронта — застрочит автомат.

В эту навсегда запомнившуюся ему ночь он предпочел не советоваться с совестью. Он успокаивал себя: «Мне бы только добраться до Москвы. Там видно будет!..»

А пока... Из-за поворота шоссе выскочила автомашина обер-лейтенанта Брайткопфа. Он сидел рядом с шофером, а позади — два солдата с собаками. Захар молча втиснулся между солдатами, и машина помчалась в ближайшую деревню. Брайткопф тоже не склонен был разговаривать и только, когда машина остановилась около дома, что стоял на окраине, буркнул: «Здесь вы проведете несколько дней. Выходить на улицу запрещается. Вас тут обслужат... Я сам приду за вами... Будем выполнять вторую часть плана. Вы должны запомнить на всю жизнь следующее: в Москве к вам приедет наш связной, привезет деньги и инструкции. Примите его по паролю: «Андрей Воронцов передает вам привет и сувенир — бритву «Жилет». Хорошо запомните!»

...Через трое суток ночью Захар опустился на парашюте в лесу, в ста пятидесяти километрах от Москвы. Рацию, пистолет, автомат и деньги он завернул в парашют и закопал, а лопату забросил подальше от места «захоронения». В те минуты он не очень задумывался над тем, придется ли ему когда-нибудь вновь откапывать все это, но инстинктивно зрительная память засекла место: опушка леса, впереди овраг, справа дорога, на другой ее стороне какие-то строения. Теперь уже Рубин одет по-другому. Брайткопф все предусмотрел, включая погоны. На Захаре шинель, китель, бриджи, сапоги — они в меру поношены, с приметами трудной жизни в полевом госпитале и в меру подчеркивают опрятность военврача. Офицер как офицер, военврач как военврач. И вот уже последний КПП остался позади...

— Так я оказался в Москве...

Рубин вздохнул и умолк: нелегко вновь переступать черту, за которой — тяжкий путь длиной в двадцать пять лет.

— Поверьте, мне очень...— Захар не нашел подходящего слова, запнулся, посмотрел на Бутова и, словно угадав его мысль, спросил: — Вы мне не верите?

Полковник ничего не ответил.

— Я могу продолжать?

— Потрудитесь вернуться назад... Вы предложили обер-лейтенанту Брайткопфу довольно хитрый план. Почему немец безоговорочно его принял — понятно: отход от стандарта, некоторая гарантия безопасности шпиона. Ну, а вы-то сами, вам для чего потребовалось так усложнять свой побег? Абвер поверил вам. Вас запросто, без всяких дополнительных комбинаций сбросили бы на советскую территорию, а потом уж можно являться с повинной, все рассказывать, как было.— И, подумав, добавил:— Зачем вы придумали такой сложный план?

Кажется, впервые за время их беседы Бутов сформулировал свой вопрос столь пространно. Но он никак не мог короче высказать тревожившую его мысль. А ему сейчас надобно ответить самому себе: что это — фантазия, сочинительство или человек раскрывает душу? План побега — одна из ключевых позиций. Рухнет или удержится она, подкрепленная объяснениями Рубина? Он ждет их, эти объяснения. А Рубин не спешит, обдумывает, будто ему самому не ясно, зачем он так усложнил свой побег. Зачем?

— Вы спрашиваете, зачем? — медленно заговорил он.— Это вопрос и простой и сложный... Вы поймите меня...— Рубин вдруг стал возбужденно жестикулировать и разразился потоком слов: — Я не мог оставить своего лучшего друга в беде. Мой план давал возможность побега нам обоим. Но не это главное. Главное — проблема доверия и безопасности. Я представлял, как явлюсь в НКВД, и человек с хмурым лицом, не глядя на меня, крикнет: «Врешь! Все выдумал! Где доказательства?» И тогда я отвечу: «Вот они: во-первых, зарытое в землю снаряжение; во-вторых, Воронцов. Разыщите его и допросите. Мы вместе бежали. Он подтвердит, что я был контужен и в плен попал, когда уже находился в бессознательном состоянии. Он подтвердит, что я помогал соотечественникам, чем мог, не выдал ни одного комиссара, а их было несколько человек среди раненых, лечившихся в госпитале»... Я предвидел и такой вариант — нас, меня и Воронцова, обвинят в сговоре... И отвечал: «Поговорите с ним в какой угодно форме, и вы убедитесь, что он ничего не знал о господине Брайткопфе, о попытках немцев завербовать меня. Значит, ему-то вы можете доверить...» Сколько раз я в мыслях вел этот диалог! И в самолете, и в лесу на советской земле, и тогда, когда уже шагал по Москве. Прийти к вам и все рассказать — так я решил после встречи с Зенерлихом. Это был завершающий этап моего плана. И я направился в НКВД, даже не зайдя домой. Я уже поднимался по Кузнецкому и до приемной оставалось каких-нибудь двести-триста метров... Но тут словно кто-то схватил меня и окликнул: «Не торопись, Захар, подумай. А если не поверят?» И тут же зашевелилась мыслишка: «В самом деле, зачем так спешить... Надо оглядеться, освоиться, повидаться с мамой». Всплыли в памяти жестокие слова Зенерлиха о судьбе мамы. О, этот знал, на чем сыграть! Значит, ее нет дома... Все равно, решил я, сперва загляну домой, найду маминых друзей, где-то проживает двоюродная тетка — она всегда слыла женщиной осведомленной. И, чтобы утвердить себя в этой позиции, я продолжал размышлять: «Ну, вот приду к ним... Все расска-

жу. А смогу ли уйти? Отпустят ли, хотя бы для того, чтобы узнать, где мама, что с ней?» Теперь я понимаю: это был скорее голос инстинкта, чем разума...

Рубин проговорил свой длинный монолог медленно, сквозь зубы. И пристально вглядывался в лицо Бутова, стараясь понять — верят ему или нет? Но лицо полковника оставалось бесстрастным, и Захар продолжал:

— Зенерлих соврал: мама была дома, и никто никуда не отправлял ее. Я не стану описывать встречу с ней. Было много слез. Было много радости. Но все пропало сразу же, как только я рассказал маме, что вместе с Андреем Воронцовым бежал из плена. Сначала я не понял, в чем дело. Ведь почти с того света вернулся домой сын, в котором она души не чаяла. И вдруг нечто подобное скорби. Почему такая реакция? Она, правда, старалась улыбаться, но улыбка эта была такой грустной, что мне показалось, будто мама и не очень мне рада. Потом она все объяснила: к вернувшимся из плена отношение настороженное, подозрительное, до нее доходили слухи о судьбе тех, кто побывал в плену у гитлеровцев. Мама не высказывала своей точки зрения, правильно ли действуют, или это перестраховка. Она лишь констатировала факты, донесенные до нее волной смутных слухов. А факты эти в ее изложении складывались очень мрачно. Как быть? Оставалась еще одна надежда: проверить все на Андрее. Я попросил маму позвонить Воронцовым и узнать о его судьбе — ведь он мог добраться до Москвы на несколько дней раньше меня. Если с Андреем все в порядке, значит, слухи, докатившиеся до мамы, идут из не очень-то достоверных источников. А если... О другом варианте я и думать не хотел. Но всплыл вариант, для меня неожиданный: Андрей еще не дал знать о себе домашним. Мама не сказала Воронцовым, что я вместе с Андреем бежал из плена; так мы условились.

Я мучительно обдумывал сложившуюся ситуацию. Если верить маминым рассказам, то рушатся мои расчеты. И все же рано утром я снова направился сюда, в приемную. И снова переполох тревожных чувств, сомнений: «Поймут ли меня? Как я докажу, что говорю всю правду, ничего не утаиваю?»

Тогда у меня не хватило силы воли. Я вернулся домой и решил, что сперва пойду в военкомат. Здесь не очень-то внимательно слушали меня и с ходу передали на так называемую фильтрацию. Там у меня было достаточно много времени для раздумий. Тем не менее я не решился рассказать всю правду: считал, что не поверят. Ограничился заранее отшлифованной версией: побег совершил вместе с другом Андреем Воронцовым. Нас обстреляли, и мы побежали в разные стороны. До Москвы каждый из нас должен был добираться своим путем. Где сейчас Воронцов, не знаю.

После фильтрации, несмотря на контузию, меня направили в штрафной батальон, а еще через два месяца я опять попал в госпиталь. В сорок пятом демобилизовался. За войну был награжден орденом Красной Звезды... Вот, кажется, и все...

— А Воронцов? Его судьба как сложилась? Вам известно?

— Я с ним так и не встретился. Но из писем матери знал — после плена Андрей прошел тот же путь, что и я. Только финиш другой... Воронцов погиб под Будапештом.

Бутов продолжал пристально смотреть на Рубина, ожидая, что еще он скажет. А Рубин молчал.

— Это все, что вы хотели сообщить нам?

— Пожалуй... Если у вас есть вопросы...

— Да, у меня есть вопросы. Скажите, пожалуйста, какие же задания вы получили от абвера, что должны были делать, когда окажетесь на территории СССР, какие сведения должны были собирать?

— Сейчас, двадцать пять лет спустя, я, вероятно, не смогу вспомнить в деталях все инструкции Брайткопфа. Но все же постараюсь...

Бутов слушает и ничего не записывает: задания достаточно стандартные — сколько раз ему приходилось слышать такие показания агентов, завербованных гитлеровцами в пору войны. Но Рубин добавляет к сказанному:

— Господин Брайткопф, инструктируя меня, трижды напоминал: «Учтите и такой вариант — мы можем напомнить вам о себе и через десять — двадцать лет. Что от вас потребуется тогда — я не знаю. Наш человек вам скажет... Вы будьте готовы к этому».

— Где вы должны были хранить рацию?

— Дома.

— Скажите, пожалуйста, господа из абвера не предусматривали такого варианта: органы госбезопасности разоблачают вас, и вы работаете с абвером по нашему принуждению?

— Да, такой вариант обсуждался. Радиограмма, переданная мною по принуждению, должна была быть подписана тремя буквами — З Р Р.

— Сколько денег вы получили?

— Пятьдесят тысяч.

— Вам не жаль было закопать деньги?

— В какой-то мере...

— А если бы вы сейчас располагали столь же большой суммой, как бы распорядились?

Рубин усмехнулся.

— Вы задали трудный вопрос... Я ни в чем не нуждаюсь... Впрочем, есть одно, на что денег всегда не хватает...

— Что именно?

— Путешествия... Говорят, что это примета старости, говорят, что на Западе более половины туристов — пожилые люди.

— А вам не приходилось совершать вояж в заморские страны? Я имею в виду последнее десятилетие.

— Да, приходилось... В качестве туриста...

— Вы путешествовали один или с женой?

— Один... Жена умерла в пятьдесят девятом.

— У вас есть дети?

— Дочь неродная... Ирина... Двадцати семи лет.— Он тут же счел нужным сообщить ее анкетные данные.

И вдруг неожиданный для Рубина вопрос:

— Где она сейчас? В Москве?

Рубин вздрогнул, но быстро овладел собой.

— В отъезде... Гостит у тети...

— Давно?

— Несколько дней.

И повел разговор о Марии Павловне, о покойнице жене и о многом другом, никак не связанном с событиями, интересующими Бутова. Только вскользь заметил:

— Мне всегда везет на разные неприятности... Ирина поехала со знакомым инженером на прогулку в горы, и с ними приключилась беда... Автомобильная катастрофа. Дочь попала в больницу. Но ничего серьезного...

— А инженер?

— Увы, погиб...

— Вы его знали?

— Да... Инженер Глебов...

— Что вы можете сказать о нем, о его отношении к Ирине?..

Рубин уклонился от прямого ответа, буркнув что-то невнятное о мимолетном знакомстве с Глебовым.

— А молодежь нынче не склонна поверять отцам свои душевные коллизии... К тому же в последнее время мы с Ириной часто, простите, цапались... Перестали понимать друг друга.— Он произнес это сухо и отчужденно.

— Она живет вместе с вами?

— Да. Хотя это и осложняет наше житье. И ее и мое. Что поделаешь, извечная проблема... И вот, изволите видеть, очередной сюрприз.

Захар Романович, не вдаваясь в подробности, сообщил о звонке Марии Павловны, рассказавшей про злополучную телеграмму и карпатские приключения Ирины. В изложении Рубина — в достаточной мере лаконичном — все случившееся следует отнести за счет взбалмошности девчонки. Рубин предполагает, что она же виновница аварии. Вздорная девушка.

— Что вы знаете о человеке, подписавшем телеграмму?

— На мой взгляд, дурной человек. Это один из пунктов наших раздоров с Ириной. Она собирается выйти за него замуж, а я возражаю, хочу объясниться с ней, но она не очень склонна к душевным беседам со мною.

— Кто он — Сергей?

— Студент... Хотя уже давно вышел из студенческого возраста. После школы — вуз. Экономический факультет. А мечтает стать журналистом...

Бутов встал из-за стола.

— Благодарю за ваше сообщение, Захар Романович. Оно побуждает нас незамедлительно принять кое-какие меры. Я, кажется, не ошибся, вы заявили, что гость собирался покинуть Москву в первой половине дня. Не так ли? Надеюсь, что среди тех фотографий, которые мы предъявим вам, вы сможете узнать господина Ивена? Ну, и отлично... Попрошу ваш телефон, адрес... А это мой телефон... Жду вашего звонка. В шесть вечера. Дома изложите письменно все рассказанное, а если сочтете нужным, укажите и дополнительные сведения. Прошу вас...

Захар Романович медленно поднялся, слегка трясущейся рукой взял лежавший у ног сверток, хотел было направиться к двери, но не решился: он готовился совсем к другому «эпилогу». Как понять это «прошу вас», куда и как ему надлежит сейчас следовать? Он уже забыл, что Бутов просил его дома изложить все письменно. И потом, каковы они, в подобных ситуациях, нормы поведения: имеет ли он право подать руку на прощание? Или теперь уже... В нерешительности, переминаясь с ноги на ногу, доктор медлил, не зная, как быть. Бутову была хорошо знакома эта поза. Он улыбнулся и кивнул на узелок.

— Никак, в баню собрались?

— Почему же в баню? — удивился доктор.— А, вы про узелок?

— По программе инженера Забелина из «Кремлевских курантов»...

Доктор покраснел, перекинул узелок из одной руки в другую и с тоской оглянулся по сторонам, словно кто-то еще должен быть в комнате, тот, кто внесет ясность.

— До Забелина мне далековато. Разное у нас амплуа. А что касается узелка, то угадали.

— Что же это вы? Нельзя так. Меньше прислушивайтесь ко всяким сплетням... Честь имею кланяться. Вечером позвоните.

ЗВЕНЬЯ

Генерал Клементьев внимательно прочел сообщения Михеева и теперь ждал возвращения Бутова из приемной. Воздерживаясь от вызова сотрудников по другим вопросам, коротко отвечая на телефонные звонки, он тем самым как бы выкраивал время пообстоятельнее обдумать случившееся. А случилось не так уж мало: странная, адресованная Ирине телеграмма; автомобильная катастрофа; гибель Глебова; настораживающие показания Ирины; материалы, найденные при обыске комнаты Глебова, и, наконец, визит ее отчима. Звенья, звенья... Составят ли они единую цепь? И есть ли тут вопросы для контрразведывательной службы?

...Из приемной Бутов сразу же направился к Клементьеву. Генерал уже знал, что полковник беседовал с тем самым Рубиным, чья неродная дочь в немалой мере озадачила контрразведку. Он, как и Бутов, был уверен, что разговор с доктором Рубиным внесет какую-то ясность в сообщения Михеева, над каждым из которых стоит несколько генеральских вопросительных знаков. Часть этих вопросов теперь, вероятно, можно будет перечеркнуть. Но, увы, над всем этим запутанным делом, по-видимому, придется ставить один большой вопросительный знак. Во всяком случае, меньше всего генерал ожидал, что Рубин пришел в КГБ не в прямой связи с «Карпатской рапсодией» — так он для себя окрестил историю с телеграммой Сергея. Оказывается, явился совсем по другому и куда более серьезному делу. Впрочем, генерал сразу же заметил Бутову, что ему еще не ясно — «другое» ли это дело, или две операции взаимосвязанные. Сократов лабиринт!..

— Ваши соображения, Виктор Павлович?

Бутов не спешит высказывать их. И ответ его — это скорее неторопливые размышления вслух:

— Я не убежден, что доктор сказал всю правду. Послевоенные годы пока еще остались в тени... Мне показалось, что Рубину не очень-то был по душе интерес к его туристскому вояжу. Так же, как и разговор о Глебове... И еще на одно обстоятельство хотел бы обратить ваше внимание... С господином Ивеном он встречался вчера вечером. Ночь на обдумывание — достаточно. Доктор явился к нам около двенадцати. На работе он сегодня не был,— для ученых такое допустимо. Почему же не пришел с утра? Не решался? Утром он уже знал о телеграмме, об автомобильной катастрофе, о смерти Глебова. Звонила тетя Маша. Это он сам рассказал нам. Нехотя, но рассказал. Не по своей инициативе. Только в порядке ответа на мои вопросы. И весьма лаконично. И потом Глебов... Его уже ни о чем не спросишь. Должны довольствоваться тем, что скажет Ирина,— а тут может и не быть всей правды. Телефоны Захара Романовича и Ирины нашли не в записной книжке Глебова, а на отдельной бумажке. Деталь: записано не «Рубин», а «З. Р. Р.», и не «Ирина», а «И. Р.». Бумажка спрятана вместе с материалами, компрометирующими их владельца. Конспиратор был он, видимо, не из бывалых...

Они не стали принимать никаких решений: еще слишком мало проверенных и бесспорных фактов. А только такие здесь привыкли класть в основу обвинений или оправданий. И Бутов, продолжая размышлять вслух, говорит:

— Пока не смею делать какие-либо выводы, товарищ генерал...

— А сейчас и не надо этого делать. Для нас с вами ясно: возникла ситуация, разобраться в которой надлежит контрразведчикам. И если доктор сказал правду, а нужных доказательств к тому не имеется, то нам с вами требуется их добыть. Кстати, Виктор Павлович, как считаете, здоров ли он психически, доктор Рубин?

— Что ж, лицо у него такое, что можно и об этом подумать. Следы крайнего утомления, нервного потрясения. Немало, видно, поволновался, прежде чем войти сюда. Шел к нам с предосторожностями, может, боялся людей Ивена — такое допустимо. А возможно...

— Что, Виктор Павлович, решили сопоставить два эти совпадающие по времени события — происшествие в Карпатах и приезд Ивена в Москву?.. Надо все же полагать, что берлога не послала бы своего человека к нам, если бы люди там знали о карпатских событиях. Нет, не думаю, чтобы они умышленно так планировали! Но вопрос не снят.— Генерал умолк, задумался.— Да-а-а... Я вижу, тут много такого, что требует глубокого анализа и тщательной проверки... У вас в отделе сейчас достаточно людей? Справитесь или дать подкрепление?

— Пожалуй, обойдусь своими силами.

— Тогда действуйте!— Генерал говорил отрывисто, энергично.— Сформируйте группу, и пусть она больше ничем не занимается. Спать придется мало, выходных не предвидится. Вызывать с докладами буду часто. Всех вместе и по отдельности. Руководство группой за вами... Разработайте возможные варианты тактики Рубина — Ивена. И, конечно, тех, кто стоял и стоит за ними...

Бутов молча делал заметки в блокноте.

— Мы не можем не считаться с тем, что еще ходят по нашей земле бывшие агенты разведывательных органов фашистской Германии. Одни отбыли свой срок наказания, другие обошлись без него... И теперь кое-кто будет пытаться использовать этих людей для разжигания новых очагов войны.

Да, генерал считал необходимым время от времени напоминать своим сотрудникам, что контрразведка — это обеспечение политики партии, это в конечном счете забота о благоденствии народа. И требовал за каждой, пусть на первый взгляд малозначащей акцией вражеской разведки видеть большую политику.

— Надо знать,— продолжал он,— таких деятелей, как хозяева Рубиных... Они ничем не побрезгуют, пойдут на любую провокацию.

— Значит, вы уже зачислили Рубина...

— Я его никуда не зачислял,— глухо проговорил генерал.— Я лишь фиксирую факты. Далеко не к каждому бывшему агенту гитлеровцев пошлют из иностранного разведцентра связного. А к Рубину прислали... Почему именно к нему? Почему вчера, а не пять, десять, пятнадцать лет назад? Мы с вами пока не знаем. Ответ известен Ивену и, возможно, Рубину. Ищите... Надо подобрать опытных людей. Поиск шпионского снаряжения, зарытого доктором, поручите Тропинину. Помнится, он принимал участие в подобных операциях.

— Я тоже имел его в виду, товарищ генерал. Думаю, к завтрашнему дню Тропинин вместе с Рубиным отправится на место.

— Не спешите, Виктор Павлович. В ближайшие дни Рубину нельзя отлучаться из Москвы. Противник может установить за ним наблюдение — и внешнее и по телефону. В таком случае его исчезновение хотя бы на день-два даст повод для подозрений. Это лишит нас инициативы. А через несколько дней, пожалуй, можно уже будет отправить его с Тропининым.

Продолжение следует.

В ереванском аэропорту участников Международного симпозиума поэзии стран Азии и Африки приветствует председатель исполкома Ереванского городского Совета Г. О. Асратян.

Секретарь ЦК КП Армении Р. Г. Хачатрян открывает Международный симпозиум поэзии стран Азии и Африки.

ДВА КОНТИНЕНТА

Михаил АНДРИАСОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Было что-то символическое в том, что это многоцветье государственных флагов развевалось у здания Союза писателей Армении, над светлым осенним Ереваном, именно на улице Барекамутян, что по-русски означает — на улице Дружбы.

Сыны армянской земли по-братски встречали поэтов двух великих континентов, прибывших после своей V конференции из столицы Казахстана в столицу Армении, чтобы продолжить форум литераторов, утверждающих в своем творчестве передовые идеи нашего времени.

Нет, не случайно Ереван стал местом первого в истории Ассоциации писателей Азии и Африки поэтического симпозиума двух континентов. Земля Армении поистине земля поэзии. Не зря ведь выдающийся русский поэт, большой гуманист и интернационалист Валерий Брюсов, глубоко изучавший армянскую поэзию, сказал: «На небесах мировой поэзии армянское созвездие — одно из ярчайших».

Поэтический симпозиум по поручению глав делегаций открыл секретарь Центрального Комитета КП Армении, председатель Оргкомитета Роберт Грачикович Хачатрян, избранный и председателем симпозиума.

— В летопись истории духовной культуры двух древнейших континентов мира — Азии и Африки — сегодня вписывается новая страница,— сказал он.— Поэзия народов Азии и Африки уходит своими корнями в глубокую древность. Она родилась вместе с первой радостью и первым горем человека. Задолго до того, как люди взлетели к звездам, поэзия родилась на Земле — из шелеста трав, из романтики тропических лесов, из разливов Нила, Ганга и Меконга, из дум бедуина, из горя феллаха. Ее питали труд, простые людские дела и великие человеческие идеалы.

Афро-азиатская литература отмечена именами великих поэтов, внесших огромный вклад в культуру всего человечества, совершивших гениальные художественные открытия, создавших немеркнущие памятники поэтической мысли.

Мне кажется, что сегодня с нами Фирдоуси и Омар Хайям, Калидаса и Рабиндранат Тагор, Аль-Мутанабби и Абу-аль-Ала Аль-Маари, Низами и Руставели, Алишер Навои и Абай, Рудаки и Саят-Нова и многие другие, имена которых известны всем.

Поэзия — жизнь. И всякий разговор о поэзии — это прежде всего, как говорил великий русский советский поэт Владимир Маяковский, разговор о месте поэта в рабочем строю, это разговор о гражданском долге поэта, о его позиции в борьбе сил реакции и прогресса. Это от-

Джон Окай (Гана) среди пионеров Армении.

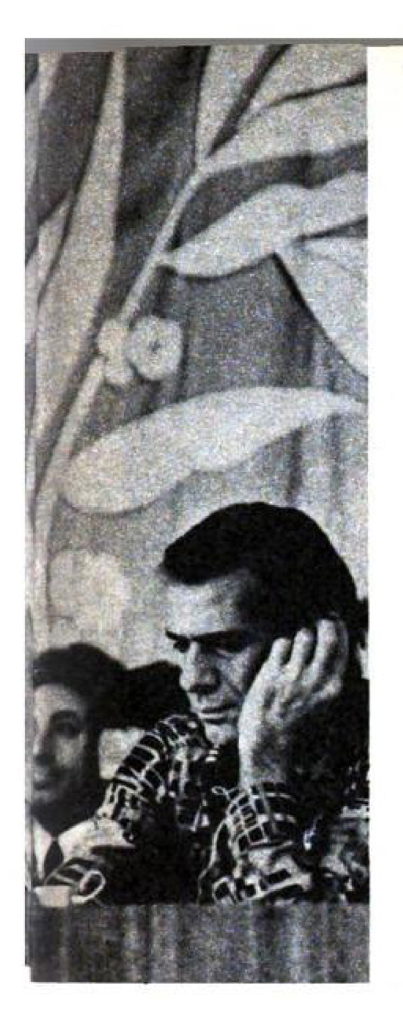

Джаянтилака и Гунасена Витана (Шри Ланка).

Мамаду Траоре Диоп (Сенегал) с юным ереванцем в Эчмиадзине.

Юсташ Прюденсио (Дагомея), Кларисс Андриамампандри Рацифандрихаманана (Малагасийская Республика) и Василий Федоров.

ПОД НЕБОМ АРМЕНИИ

вет на вопрос, поставленный великим Максимом Горьким: с кем вы, мастера культуры?

Лучшие, передовые силы литератур Африки и Азии идут сегодня в первых рядах освободительной борьбы своих народов...

Участников симпозиума сердечно приветствовал председатель Совета Министров Армянской ССР Г. А. Арзуманян.

— Добро пожаловать на нашу древнюю и обновленную землю, пусть дни, которые вы проведете в Армении, будут плодотворными, радостными и незабываемыми!

На трибуне — глава советской делегации, известный поэт Мирзо Турсун-заде:

— Важные обстоятельства, сопутствующие успеху нашей встречи, вселяют уверенность в том, что она станет важной вехой в истории развития поэзии афро-азиатских литератур. Проходит она после успешно закончившейся Пятой конференции писателей стран Азии и Африки.

Интернационализм советской поэзии проявляется в боевой солидарности с борьбой народов Азии и Африки. Ни одно событие международной жизни, затрагивающее судьбы народов, не остается вне поля зрения советской поэзии.

— Я хочу, чтобы сегодня на земле Армении,— говорит советский поэт Евгений Долматовский,— слово «мастер» прозвучало и наполнилось тем значением, которое придавали ему в героической древности. Варпет — мастер. Сын народа. Человек, выражающий самые важные мысли и чувства, ведущий за собой других. Говоря современным языком, мастер должен стоять на уровне эпохи. А эпоха наша отдана великой цели — движению людей к свободе, к правде, к справедливости.

С докладом от имени Союза писателей Армении выступил поэт Рачик Ованесян.

— История армянской, русской и других национальных литератур располагает примерами многообразного использования традиций и проявлений новаторства,— сказал он.— Есть много общего в том, как трактуют писатели и литературоведы Азии и Африки эти проблемы.

Взволнованно прозвучало выступление представителя Республики Южный Вьетнам поэта Тху Бона:

— Уничтожение и поэзия несовместимы. Одно исключает другое. Поэзия — это созидание. Поэзия — это борьба за справедливость, за дело народа, за человека, за жизнь. Поэтому я не могу считать певцами тех, кто служит империализму, расизму, сионизму, черному делу подавления народов.

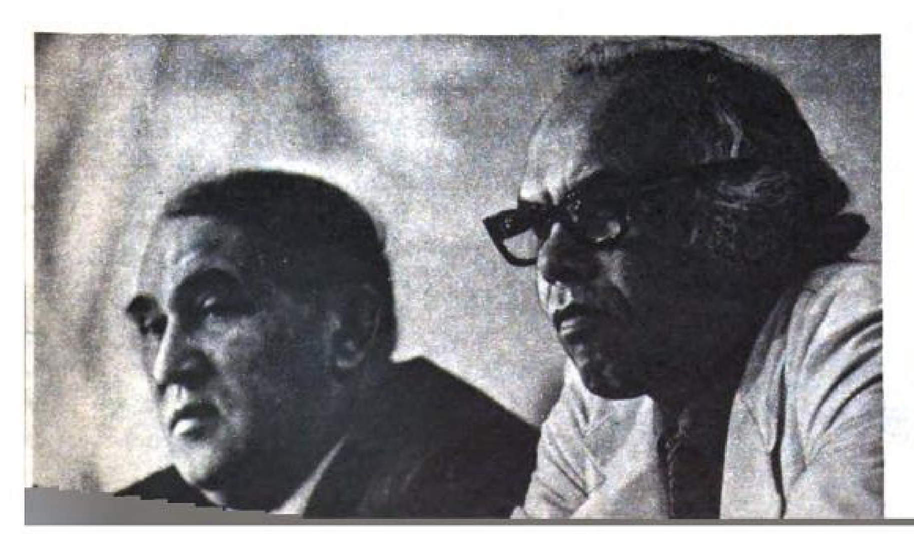
Поэт из Сенегала Мамаду Траоре Диоп видит настоящую боевую поэзию в служении народу, во вдохновенном умении помочь труженикам выйти из нищеты и бедствий, в преодолении национализма, заведомо обрекающего людей на бескрылое прозябание.

— Красивенькое и гладенькое — не поэзия, и поэзия — не забава,— делится своими мыслями делегат Республики Мали Гауссу Диавара.— Каждый поэт — личность, борец, и потому содружество певцов слова — настоятельная необходимость.

Представитель Индии Навакант Баруа говорит:

— Мы учимся мужеству у советского народа, у сынов Вьетнама. Наш поэтический образец служения родине — Рабиндранат Тагор, всю свою

Михаил Луконин и Алекс Ла Гума (ЮАР).

Багзийн Явуухулан (Монголия).

Участники симпозиума у памятника.

Участники симпозиума посетили мемориальный комплекс Сардарапатской битвы.

жизнь отдавший правде, справедливости, чаяниям трудовых людей Индии и сынов других народов.

О роли поэта в создании новых форм, соответствующих своему времени, убедительно говорил поэт из Ганы Джон Окай:

— У нас роль литераторов определяется в ориентировке на советского писателя. Традиции и новаторство советской литературы оказали большое влияние и на меня лично.

При обсуждении темы «Поэзия и формирование духовной жизни человека» своими мыслями поделились поэт из Сирийской Арабской Республики Сафван Кудси, советский критик Ал. Михайлов, поэты Геворг Эмин (СССР), Е. Петрондо (Кипр), Сильва Капутикян (СССР), Д. Рубадири (Малави), Сиватамбе (Шри Ланка) и другие.

Доклад на тему «Поэзия как средство выражения и общения» сделал советский критик Е. Осетров.

— Поразительна перекличка поэтов, разделенных огромной временной дистанцией,— сказал он.— Пушкин мечтал о времени, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». В наши дни Павло Тычина, выдающийся украинский поэт, выражая то, что живет в общественной атмосфере времени, написал о «чувстве семьи единой», чувстве, рожденном в пору социальных катаклизмов и выдержавшем испытание огнем и железом.

Говоря о крупнейших литераторах и переводчиках поэзии народов, населяющих Россию, он остановился на деятельности В. Брюсова, открывшего для народов страны сокровищницу армянской поэзии.

Доклад вызвал оживленные прения. Палестинский поэт Муин Бсису с волнением говорил о том, что в годы второй мировой войны французские летчики вместе с бомбами сбрасывали на фашистов стихотворения Поля Элюара. Это ли не живое воплощение того, что утверждал Владимир Маяковский: «И песня и стих — это бомба и знамя, и голос певца подымает класс...»

Работа симпозиума завершена. Под небом Армении сыны двух могучих континентов устами своих певцов-рыцарей еще раз сказали миру:

— Писатель — всегда боец! Поэт — всегда разведчик будущего. Так будем же крепить и оберегать как зеницу ока наше великое единство! Когда мы вместе, когда стоим в одном строю, мы непобедимы!

Ереван.

Ленри Питерс (Гамбия) и Геворг Эмин.

Гауссу Диавара (Мали) и Фаль Алиун Бадара (Сенегал).

Коста де Андраде (Ангола), Сильва Капутикян, Томас Медейрос (Сан-Томе).

Евгений Долматовский и Те Лан Виен (ДРВ).

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОДНОМУ ФЕЛЬЕТОНУ

В № 20 «Огонька» за этот год был напечатан фельетон «Ох, уж эти пассажиры!». В нем рассказывалось о нарушении графика движения пассажирских поездов и подвергалось критике Министерство путей сообщения СССР. В № 24 редакция поместила ответ заместителя министра П. Лемещука, в котором сообщалось, что МПС «приняло дополнительные меры по обеспечению СТРОГОГО (курсив наш) следования пассажирских поездов по расписанию». Заканчивался ответ словами: «В результате принятых мер проследование пассажирских поездов по расписанию улучшилось и составило 98,2 процента».

Приведенная цифра, как было сказано в примечании к опубликованному ответу, настороżила редакцию. Значит, поезда продолжают опаздывать. Ведь 1,8 процента — немалый показатель, если учесть все пассажирские поезда, курсирующие по просторам нашей необъятной страны. Вот поэтому редакция решила вернуться к теме напечатанного фельетона.

Мы взяли несколько интервью.

Беседуем с заместителем начальника Главного пассажирского управления МПС Борисом Ивановичем Торбой.

— В мае, когда был опубликован фельетон,— сказал Борис Иванович,— график движения пассажирских поездов выполнялся на 98,1 процента. А в июне, когда журнал получил ответ заместителя министра,— на 98,2. Рост составил одну десятую процента, что никак нельзя признать особым достижением. К сожалению, уже месяц спустя показатель этот ухудшился и составил 97,1 процента. Плачевнее всего обстоит дело на Казахстанской, Северо-Кавказской и Закавказской дорогах.

— Может быть, виновато Главное управление движения, ведь оно ведает движением всего железнодорожного транспорта?

— Никаких претензий к этому управлению у нас нет. Мы вместе рассматриваем все случаи опоздания и строго требуем с начальников дорог и отделений точного соблюдения графика.

Все же мы направились в Главное управление движения.

— Можно познакомиться с жалобами на опоздания поездов? — спросили мы у заместителя начальника управления Дмитрия Романовича Головкина.

— Что вы, какие жалобы?! — ответил Дмитрий Романович.— Нет никаких жалоб. Я, во всяком случае, не припоминаю.

— Но ведь поезда опаздывают, есть срывы графиков! Не может быть, чтобы пассажиры не жаловались.

— Не знаю, не видел ни одной жалобы.— Дмитрий Романович пожимает плечами.

А между тем...

Вот что рассказывает начальник Казанского вокзала Михаил Филиппович Карпов:

— Поезда по-прежнему опаздывают. Скажем, поезд № 89 Новокузнецк — Москва (о нем упоминалось в фельетоне) вообще редко приходит по расписанию. Сегодня он опоздал на 8 часов. Поезд № 81 из Челябинска пришел сегодня на 4 часа позже, 103-й из Кустаная прибыл в 22 часа 40 минут, а по графику должен быть в 16 часов 50 минут. Встречающие осаждают мой кабинет,— продолжал Михаил Филиппович,— атакуют дежурных по вокзалу, возмущаются, требуют книгу жалоб. А чем мы можем помочь? Ведь не от нас зависит время прибытия поездов. Единственное, что мы можем сделать,— это информировать встречающих по радио. Грустная, конечно, информация, но что поделаешь...

Нас очень беспокоит и то, что поезда отправляются не по расписанию. Представьте себе: человек заблаговременно приобрел билеты, заблаговременно приехал на вокзал с вещами и тут узнает, что его поезд отправится на 5—6 часов позже, чем указано в расписании. А почему так получается? Поезд прибыл с большим опозданием, и нужно время, чтобы подготовить его в обратный путь: помыть вагоны, привести в порядок весь инвентарь, сменить постельное белье, произвести технический осмотр.

— Правильно возмущаются пассажиры! — подтверждает начальник Ярославского вокзала Леонид Александрович Бурак.— Сегодня поезд № 161 из Перми опоздал почти на час. Вчера хабаровский № 13 — на шесть часов. В результате ушел он из Москвы на два с половиной часа позже...

— Сколько опозданий? — переспрашивает главный инженер станции Москва — Курская-пассажирская Тамара Никитична Сотникова.— Да сколько угодно! Поезд № 59 из Адлера позавчера опоздал на полтора часа. Поезд № 8 из Севастополя прибыл сегодня с опозданием на 25 минут...

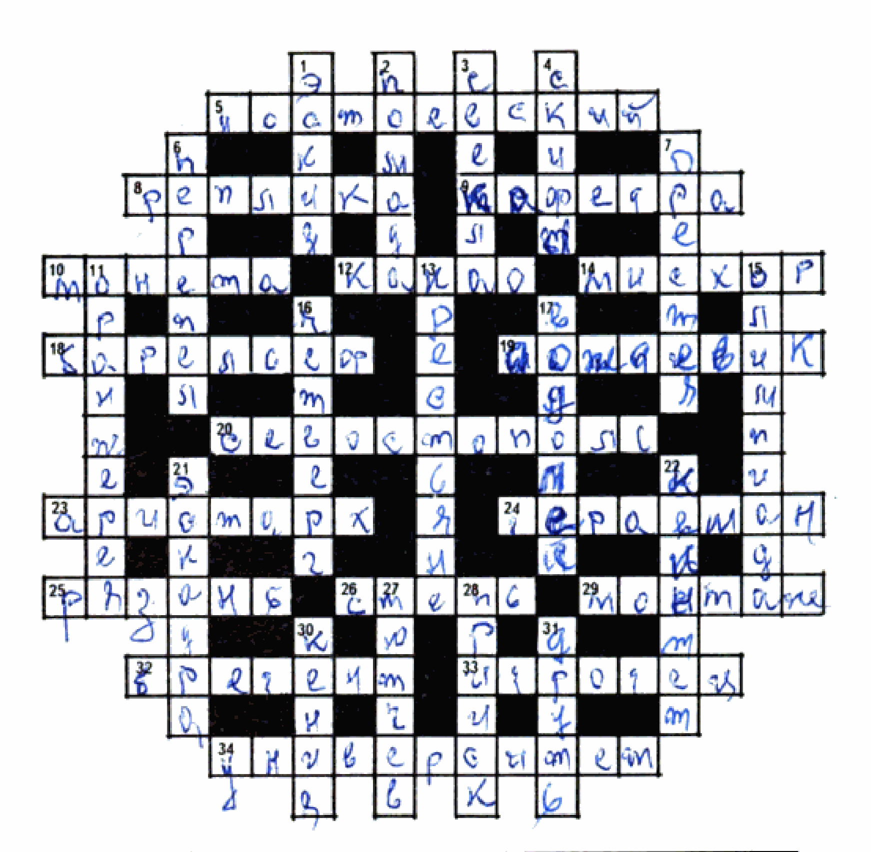
Заметьте, все наши собеседники ссылались не только на примеры сегодняшние, но и вчерашние и позавчерашние. Выходит, что речь идет не о случайных срывах графиков, а о систематических опозданиях преимущественно одних и тех же поездов.

Ну, а насчет жалоб, которых и знать не знает и ведать не ведает заместитель начальника Главного управления движения Д. Р. Головкин? Есть, есть жалобы, Дмитрий Романович! И предостаточно. Вот что пишет машинист тепловозного депо станции Ерментау Казахстанской железной дороги Ф. А. Цымбаль:

«Шестой год вожу пассажирские поезда и не могу молчать. Дело в том, что на нашу Казахстанскую дорогу уже шестой год с большим опозданием приходят поезда №№ 84 и 98... следующие до станции Павлоград. Если они опаздывают на 2—3 часа, мы считаем, что они еще в графике. Беда, если они опаздывают на 6, 8, а то и на 12 часов. Такие опоздания нарушают работу локомотивных бригад, срывают поездки и отдых».

Хочется надеяться, что «Огонек» в ближайших номерах напечатает ответ Министерства путей сообщения, в котором будет сказано, что продвижение поездов по расписанию достигло ста процентов. Ведь для того и составляются и утверждаются министерством графики.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ.
Г. ДРЕВНОВСКАЯ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский писатель. 8. Краткое замечание, возражение. 9. Возвышение для лектора, оратора. 10. Денежный металлический знак. 12. Питательный напиток. 14. Курорт в Крыму. 18. Скульптурное изображение. 19. Шарообразный гриб. 20. Город-герой. 23. Древнегреческий астроном. 24. Река в Средней Азии. 25. Областной центр в РСФСР. 26. Повесть А. П. Чехова. 29. Подбор заснятых кадров фильма. 32. Непромокаемая ткань. 33. Керамическая плитка. 34. Высшее учебное заведение.

По вертикали: 1. Предварительный набросок рисунка. 2. Косметическое средство. 3. Овощ, корнеплод. 4. Стихотворение А. Блока. 6. Птица семейства фазановых. 7. Оперная трилогия С. И. Танеева. 11. Помещение для разведения растений. 13. Роман Бальзака. 15. Массовый смотр достижений искусства, художественной самодеятельности. 16. День недели. 17. Зодиакальное созвездие. 21. Крупное соединение кораблей. 22. Ансамбль из пяти исполнителей. 27. Русский поэт. 28. Горнопромышленное предприятие. 30. Государство в Африке. 31. Приток Днепра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 4. «Щелкунчик». 7. Беляев. 8. Сезанн. 11. Алаколь. 12. Оселок. 14. «Беглец». 18. Олеандр. 19. Сенегал. 20. Лауреат. 21. Сметана. 23. Анкара. 25. Фанера. 27. «Перекоп». 29. Секира. 30. Клюшка. 31. Симпозиум.

По вертикали: 1. Сенека. 2. Кукушкина. 3. Никель. 5. Плато. 6. Саксе. 9. Воскресенье. 10. Александрит. 13. Легенда. 15. Георгин. 16. Холст. 17. Орлан. 22. Телевизор. 24. Рубка. 26. Афиша. 27. Портик. 28. Палтус.

На первой странице обложки: Рудольф Маннов, Герой Социалистического Труда, бывший фронтовик. Четверть века он бессменно руководит колхозом «Рахва Выйт» (см. в номере очерк Н. Храбровой «Возвращение домой»).

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Сцены из спектакля Ленинградского Большого театра кукол «Похождения бравого солдата Швейка».

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

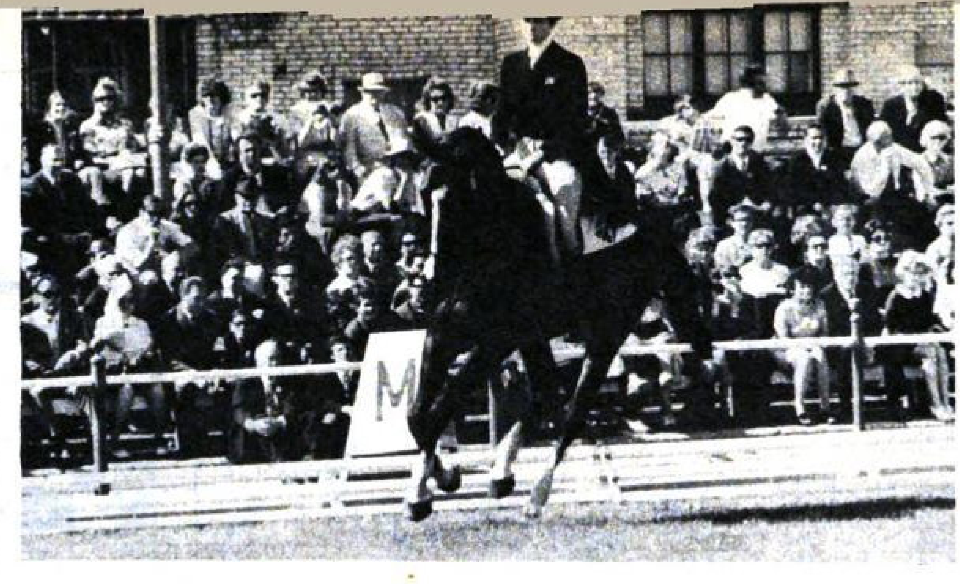
Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/IX—73 г. А 00121. Подп. к печ. 18/IX—73 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2149. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 1097.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ,
Н. КОЗЛОВСКИЙ

Принцесса Анна на коне Гудвилл выступает в манежной езде.

НА КОНЕ И ПОД КОНЕМ

Когда кровный скакун, не знающий никаких преград в своем неистовом вдохновении, вдруг рушится на землю и беспомощно бьется в пыли, это не может не потрясти самого невозмутимого зрителя. А если зрителей десятки тысяч? Нетрудно представить себе, какой ураганный вздох пронесется над холмами и оврагами, где проходит кросс. Люди, еще вчера любовавшиеся плавными, какими-то минуэтными движениями коней, выступавших в манежной езде, сегодня становятся свидетелями азартной и бесстрашной скачки, и разве могут они остаться равнодушными к неудачам всадников и их прекрасно тренированных скакунов?

В такой драматической обстановке проходил в Киеве чемпионат Европы по конному троеборью.

После манежной езды, показавшей, насколько искусно управляет всадник лошадью, далеко не все могли представить себе, что ждет их на арене полевых испытаний (увы, наши зрители не очень искушены в тонкостях конного троеборья). Но даже манежная езда не обошлась без сенсации. Неожиданной явилась неудача англичан — признанных виртуозов рыси, галопа и контргалопа. Они уступили первые места наездникам из ФРГ — Хорсту Карстену, Херберту Блекеру, капитану советской команды Александру Евдокимову и еще одному наезднику из ФРГ — Мартину Плева.

Но результаты, показанные в манежной езде, еще ничего не решали, истинные лидеры могли определиться лишь после полевых испытаний, включающих движение по дорогам, стипль-чез и кросс по пересеченной местности. Всех интересовал вопрос, как выступит в полевых испытаниях команда Великобритании, ведь на сей раз она состояла из пяти женщин и только одного мужчины — чемпиона XX Олимпийских игр — Ричарда Мида. Смогут ли хрупкие девушки продлить победный счет английских конников, семь раз завоевывавших командное и личное первенство на чемпионатах Европы? Сможет ли принцесса Анна, чемпионка Европы 1971 года, удержать свой титул?

В конном спорте женщины и мужчины состязаются вместе, но те, кто знал, какой огромной физической выносливости и бесстрашия потребует от спортсменов кросс в Голосеевском лесу, опасались, что он может оказаться слишком трудным для наездниц.

И действительно, кросс и особенно его второе препятствие стали роковыми для двух наездниц из Великобритании — принцессы Анны и Дэбби Уэст. Но вместе с ними потерпели неудачу еще и двенадцать мужчин.

После окончания полевых испытаний судья на втором препятствии Александр Григорьевич Таманов рассказывал мне:

— Когда я познакомился с характером препятствия, прохождение которого мне предстояло судить, я тут же попросил, чтобы мне выделили целую строительную бригаду — плотника, гвоздодера, землекопа. Второе препятствие — фигурные параллельные брусья — вовсе не считается очень сложным, но на сей раз оно было установлено в самом начале дистанции да еще в глубокой канаве, и это усложняло задачу участников кросса. Огромной воли, большого мужества потребовало это препятствие от спортсменов, и нам не раз приходилось после очередного прыжка хвататься за ломы, топоры и пилы. Четырнадцать всадников не смогли преодолеть параллельные брусья, а многие получили штрафные очки. Особенно запомнился мне прыжок англичанки Розалинды Джонс. Ее конь по кличке Фэруэлл, благополучно взяв препятствие, не удержался на ногах, и всадница, вылетев из седла, получила удар копытом по лицу. Но когда мы подбежали к ней, она уже вскочила на ноги и, отказавшись от врачебной помощи, прыгнула в седло, чтобы продолжать скачку. После такого потрясения смелая девушка чисто преодолела восемнадцать различных препятствий, а снова упав на двадцать первом, все же нашла в себе силы завершить кросс.

...Когда были подсчитаны результаты полевых испытаний, стало известно, что из сорока трех наездников только двадцать три выйдут на старт конкура и что лидером в борьбе за личное первенство стал советский спортсмен Александр Евдокимов — он показал третий результат по выездке, потеряв всего 50,8 очка, а в полевых испытаниях был первым с 39,2 штрафного очка. Он и стал чемпионом Европы, чисто преодолев одиннадцать препятствий из двенадцати, установленных на конкурном поле, и президент Международной федерации конного спорта герцог Эдинбургский, принц Филипп вручил ему золотую медаль.

Большого успеха добились всадники ФРГ. Они завоевали командное первенство. Стоит отметить одно трагическое совпадение. Если на втором препятствии в кроссе потерпела неудачу принцесса Анна, то на втором препятствии в конкуре потеряла бронзовую медаль в личном первенстве другая английская наездница — Марджори Комерфорд.

Чемпион Европы Александр Евдокимов принимает поздравления герцога Эдинбургского принца Филиппа.

Вот одно из 29 препятствий кросса. Его успешно преодолевает всадник из ФРГ Херберт Блекер на коне Альбрант.

Кшиштоф Афтика (Польша) и его конь Культ не смогли преодолеть фигурные параллельные брусья.

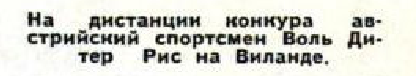
Перед стартом полевых испытаний спортсмены взвешивались. Вместе с седлом наездник должен иметь не меньше 75 килограммов. На площадке весов английская спортсменка Марджори Комерфорд.

Печальное возвращение.

На дистанции конкура австрийский спортсмен Воль Дитер Рис на Виланде.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663